

ВЫХОДИТ ЕЖЕНЕДЪЛЬНЫМИ №№ ВЪ ТРИ ЛИСТА СЪ 6—10 РИС. И ЕЖЕМѢСЯЧНЫМЪ ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНИЕМЪ „ПАРИЖСКИХЪ МОДЪ“ (отъ 30 до 40 модн. рис.) и
ЛИСТА ЧЕРТЕЖ. ВЫКРОЕКЪ (отъ 22 до 30 рис.) разн. рис. рукод. работы отъ 20 до 40 рис.) Цѣна этого № „Нивы“ 20 к., съ перес. 25 к.
Выданъ 5 Февраля 1883 г.

годъ XIV

XIV годъ
№ 6

годъ XIV

1883

Открыта подписка на „Ниву“ 1883 г.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА НА ГОДОВОЕ ИЗДАНІЕ „НИВЫ“:

Безъ доставки въ
Петербургъ . . . 4 р.

Съ доставкою въ
Петербургъ . . . 5 р. 50 к.

За границу: съ перес. въ Австрію, Германію, Францію, Италію и друг. госуд.

Безъ доставки въ Москвѣ черезъ
отдѣл. конт. „Нивы“ И. И. Печ-
ковской, Петровск. Торг. линія 5 р.
Съ пересылкою въ Москву и дру-
гіе города Россіи 6 р.
руб.

ПРИЛОЖЕНИЯ.
Особая приложенія при
„Н. И. В.“ объявленій
отъ торговыхъ домовъ
принимаются для иногор.
по 5 р. съ тысячи, для
городскихъ по 4 р.

Каждый новый подписчикъ получаетъ всѣ въ 1883 г. уже вышедшия номера со всѣми приложеніями.

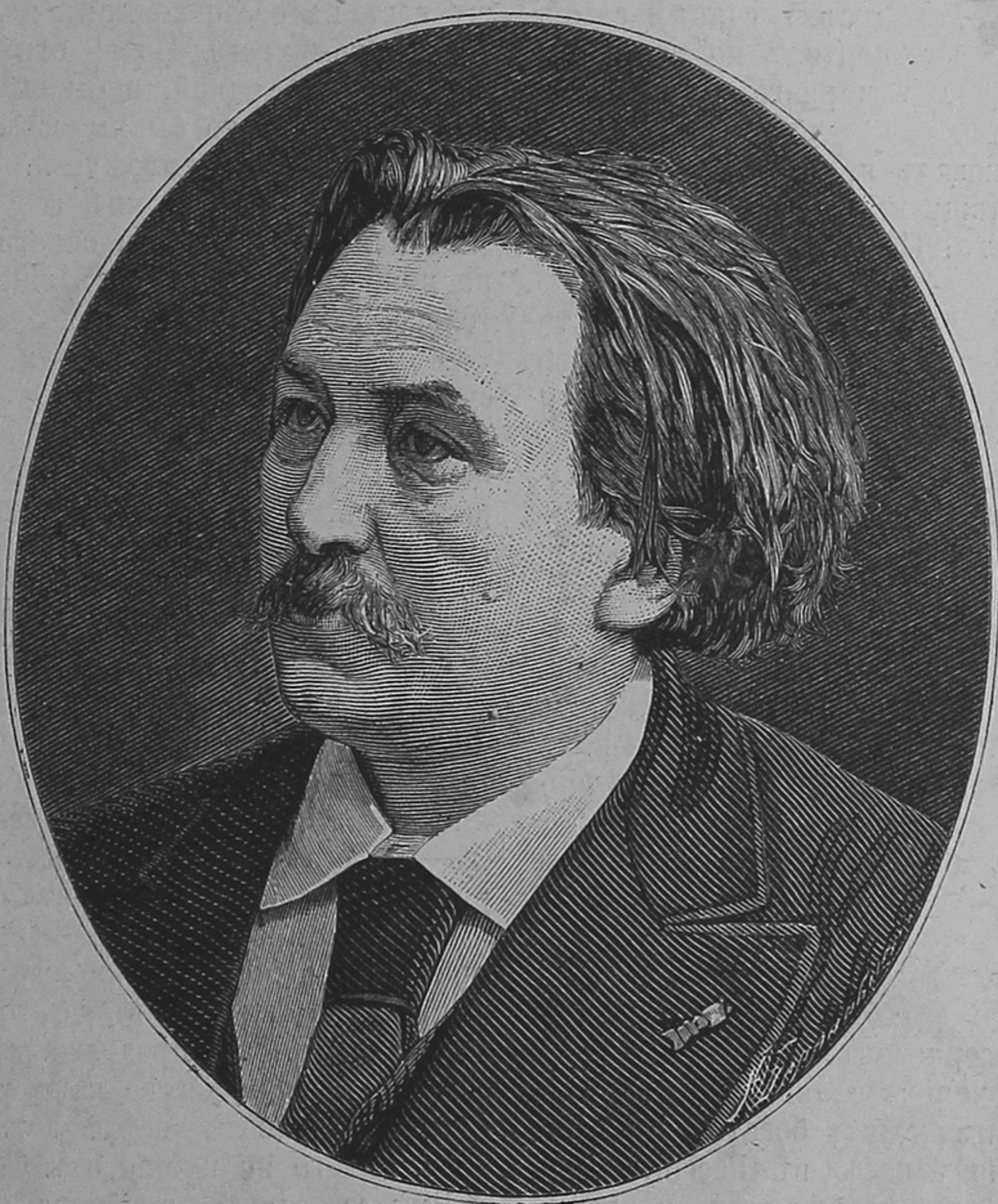
КОНТОРА ЖУРНАЛА „НИВА“ ПОМѢЩАЕТСЯ ВЪ С.-П.-БУРГѢ, НА Б. МОРСКОЙ, въ Д. № 9.

При этомъ № прилагаются „ПАРИЖСКІЯ МОДЫ“ за ФЕВРАЛЬ 1883 г., съ 17 рисунк. и отдѣльн. листомъ съ 24 вы-
кройками въ натуральную величину и 26 рисунк. рукодѣльн. работъ въ русскомъ стилѣ.

Густавъ Дорѣ.

11 Января скончался въ высшей степени оригинальный художникъ — Густавъ Дорѣ — блестящій иллюстраторъ, смѣлый артистъ и скульпторъ, онъ отличался такою быстрой карандаша и кисти, что дѣятельность его, еще при жизни, получила какой-то легендарный характеръ. Говорять, что число его рисунковъ и картинъ доходитъ до сорока тысячъ. Онъ исполнялъ ихъ по нѣсколько каждый день. Сынъ бѣднаго инженера, онъ составилъ себѣ карандашемъ огромное состояніе и застроилъ въ Парижѣ цѣлый кварталъ своими домами, на которыхъ, вместо фамиліи хозяина, красовались двѣ лѣнины ножы: *do* и *re*.

Никто еще никогда не обладалъ такимъ блестящимъ чувствомъ пятна, какъ Дорѣ. Расположеніе свѣтовыхъ и тѣновыхъ пятенъ въ рисункахъ у него до того музыкально, что даже враги его направления признаютъ за нимъ, въ этомъ отношеніи, недосягаемую виртуозность. Компоновка его всегда поразительно красива. Без-

Густавъ Дорѣ. † 11 Января. Съ фотограф. грав. Барановскій.

дна вкуса, своеобразной красоты линий, смѣлость самыхъ отчаянныхъ ракурсовъ, оригиналъный выборъ сюжетовъ, — все это придаетъ его работамъ такую прелестъ, что владѣлъ Дорѣ лучше самыи рисункомъ — онъ былъ бы величайшимъ рисовальщикомъ міра.

Изо всѣхъ его иллюстрацій, чуть ли не на первомъ планѣ мы должны поставить *Донъ-Кихота*. Лично побывавъ въ Испаніи и сдѣлавъ тамъ массу набросковъ, Дорѣ болѣе всего подошелъ къ авторскому тексту, именно въ рисункахъ къ Сервантесу. — Когда онъ взялся за *Біблію*, — Парижъ пришелъ въ недоумѣніе: какъ вчерашній карикатуристъ будетъ работать надъ священными сюжетами. Дорѣ и тутъ вышелъ побѣдителемъ: его *Біблія* имѣла невѣроятный успѣхъ. Затѣмъ слѣдовало три огромныхъ тома къ *Божественной Комедіи* Данта — гдѣ есть, дѣйствительно, дѣльные вещи. Наконецъ, послѣ безчисленного ряда иллюстрацій къ *Аriосту*, *Лафонтену*, *Мильтону*, — опъ взялся за живопись и скульптуру. Попытки его въ этой области ис-

кусства были менѣе удачны, но обнаруживаются, во всякомъ случаѣ, недюжинный талантъ.

Смерть застала Доре уже въ преклонныхъ годахъ—„все земное“ имъ было совершено, и нового едва ли онъ могъ бы дать. Густавъ Доре, родился въ Страсбургѣ въ 1833 году и воспитывался сначала въ родномъ городѣ, потомъ въ Парижѣ, въ лицѣ Шарлемань. Имѣя всего шесть лѣтъ отъ роду, Доре приводилъ въ восторгъ товарищей и учителей своими рисунками, и первыя его литографіи, изображающія религіозныя празднества, появились въ продажѣ, когда ихъ авторъ не достигъ еще одиннадцатилѣтняго возраста. Въ 1848 году въ издававшемся тогда Филиппономъ „Journal pour rire“ появились его первыя карикатуры, а немного спустя въ „Journal pour Tous“ обратили вниманіе его рисунки, исполненные глубокаго романтизма. Съ тѣхъ поръ онъ сталъ усердно работать въ иллюстрированныхъ изданіяхъ, и когда репутація его, какъ прекраснаго и своеобразнаго рисовальщика, вполнѣ упрочилась, Доре возымѣлъ счастливую мысль иллюстрировать писателей и поэтовъ, имя которыхъ пользуется всемирной извѣстностью. Въ 1854 г. появилось иллюстрированное имъ изданіе сочиненій Раблэ, имѣвшее громадный успѣхъ, въ слѣдующемъ году „Легенда о Вѣчномъ Жидѣ“, въ 1856 г.—„Contes drolatiques“ Бальзака. Въ 1861 г. былъ изданъ „Адъ“ Данте, въ 1862—„Атала“ Шатобріана и „Донъ-Кихотъ“, въ 1864 г.—„Библія“, въ 1865—въ Лондонѣ,—„Потерянный рай“ Мильтона, въ 1867—„Басни Ляфонтена“, съ 1866 по 1868 гг.—поэмы Тениссона—„Элаина“, „Вивіана“ и „Женевьевы“, въ 1868 г.—„Чистилище“ и „Рай“ Данте, въ семидесятыхъ годахъ: „Исторія крестовыхъ походовъ“ Мишо и „Пѣснь старого моряка“ Кольриджа. Всѣ удивлялись плодовитости Густава Доре, у котораго не только хватало времени для того, чтобы иллюстрировать такія классическія произведенія, какъ „Божественная комедія“, „Потерянный рай“ и „Донъ Кихотъ“, и помѣщать безчисленное множество рисун-

ковъ и карикатуръ въ иллюстрированныхъ периодическихъ изданіяхъ, но и заниматься серьезно живописью. Привести полный списокъ картинъ Густава Доре невозможно. Онъ испробовалъ свои силы по всѣмъ отраслямъ живописи, начиная съ исторической и кончая жанромъ. Картины Доре всегда и вездѣ очень нравились, производили сильное впечатленіе и продавались весьма дорого. Особенно цѣнясь его произведенія въ Лондонѣ, гдѣ еще въ шестидесятыхъ годахъ общество банкировъ потратило громадную сумму для постройки обширной и изящной галлереи, исключительно предназначеннай для выставки картинъ Доре. Спекуляція эта вполнѣ удалась и банкиры вернули свои расходы сторицю. Въ числѣ другихъ замѣтныхъ картинъ въ этой галлереѣ помѣщается самая грандиозная по замыслу и обширная по размѣрамъ картина Доре, изображающая „Паденіе язычества.“ Христосъ, предшествуемый ангелами, повергъ въ огненную геену Олимпъ. Архангель Михаилъ и ангелы-воины ведутъ борьбу съ древними религіями въ лицахъ боговъ и ихъ разныхъ эмблемъ. По мнѣнию знатоковъ и безпристрастныхъ критиковъ, эта колоссальная картина, гдѣ малѣйшія подробности тщательно обработаны и свидѣтельствуютъ о глубокой эрудиціи автора, есть шедевръ Густава Доре. Что всего больше поражаетъ въ Доре—это, безъ сомнѣнія, разнообразіе и гибкость его творчества и въ особенности, при столь неизсказаемой плодовитости, то, что какъ живописецъ и рисовальщикъ Доре никогда не повторяется, а создаетъ все новые формы и типы. Къ одному и тому же сюжету онъ умѣетъ примѣнять новые формы. Доре, конечно, слишкомъ злоупотреблялъ фантастическими замками, возвышающимися на невозможныхъ скалахъ, и дремучими лѣсами, наполненными чудовищами, но за то сколько величія и знанія въ его „Божественной Комедіи“, сколько изящества и истиннаго юмора въ „Сказкахъ Перро“, „Басняхъ Ляфонтена“ и въ „Донъ Кихотѣ“, сколько поэзии въ „Атала“.

Лодъ Колесомъ.

ПОВѢСТЬ

Н. Д. Ахшарумова,

(Продолженіе).

Было уже поздно, когда представлѣніе кончилось и мы съ нею вышли на воздухъ. Въ толпѣ она взяла руку мою; но публика, высыпавшая на площадь, въ улицахъ стала рѣдѣть и скоро разсѣялась. Огни въ магазинахъ гасли; буржуазная часть населенія очевидно ложилась спать. Въ аллеяхъ,透过 которые путь нашъ лежалъ, все было тихо, и только сонный свѣтъ мѣсяца, проникая сквозь листву, чертилъ на пескѣ золотые узоры. Въ воздухѣ, послѣ жаркаго дня, пахло ночною свѣжестью.

— Какъ хорошо тутъ! сказалъ я, лаская руку моей молоденькой спутницы, лежавшей на моей руцѣ.—Не хочется въ комнату... Сядемъ... И мы съ нею сѣли подъ липами, на скамью.

— Какъ хорошо въ такія минуты, Сара, тому, кто молодъ и у кого всѣ надежды цѣлы! На его улицѣ праздникъ; для него ночь тепла и воздухъ душистъ и мѣсяцъ свѣтель!

— Ахъ, мосьѣ Поль! вздохнула она.—Моему празднику скоро конецъ! Папа, какъ вы сами знаете, не сегодня—завтра, оставитъ въ курсалѣ послѣдній грошъ; а вы, добрый другъ, уѣдете, и мы болѣе не увидимъ васъ,—и вся эта радость, все счастье... Голосъ ея задрожалъ.—О! лучше если бы я ихъ совсѣмъ не знала, чѣмъ только что встрѣтивъ, быть вынужденной сказать себѣ, что все это не мое, что все отъ меня уйдетъ какъ милый сонъ, и я проснусь когда нибудь снова на чердакѣ, одна съ несчастнымъ моимъ отцомъ!..

— Вы бы желали, чтобы я остался дольше тутъ въ Вѣнѣ? сказалъ я!

— О! какъ желала бы!

— Но зачѣмъ?

Она тяжело вздохнула.

— Я буду съ вами чистосердеченъ, Сара. Мой выигрышъ—это все мое обеспеченіе; и оно въ сущности очень невелико. На это нельзя жить богато, а можно только существовать безбѣдно у насъ въ Россіи. Прогрывать, въ долѣ съ вашимъ отцомъ, такую находку,

было бы совершеннымъ безумствомъ. Ссудить же ему что нибудь, когда онъ спуститъ послѣдній гульденъ, тоже не поведетъ ни къ чему, потому что не остановить его на его пути. Что-жъ остается?.. Скажите мнѣ прямо, если вы это знаете, что я могу сдѣлать, чтобы васъ спасти, и я не уѣду прежде чѣмъ не увижу васъ въ обезпеченному положенію.

— Ахъ, мосьѣ Поль! отвѣчала она:—Еслиѣ дѣло шло обо мнѣ одной, я бы сказала вамъ просто:—„Пропадай все, только бы вы остались!“ Но вы понимаете, что я не о себѣ тревожусь... Мнѣ жалко отца! Всѣмъ сердцемъ жалко! И мнѣ все думается, что если бы вы захотѣли, вы бы могли спасти его. Денегъ вашихъ ему не нужно; покуда у насъ еще есть свои. Нужно одно только: ваше счастье.

— Какимъ же образомъ я могу подѣлиться съ нимъ счастьемъ?

Сара замялась.—Вы... можете... за него играть, произнесла она.—На его деньги... Вы тутъ ничѣмъ не рискуете... И видя, что я молчу:—Милый мой, мосьѣ Поль! Я васъ умоляю! Сдѣлайте это если не для него, то для меня... если вы любите меня хоть немножко!..

— А вы? повернула я вопросъ, шутя.

Она засмѣялась какимъ-то дѣтскимъ смѣхомъ.

— О! что касается до меня, то я люблю васъ страшно.

— Да полно такъ ли? Не шутите-ли вы, Сара?

— Нѣтъ, не шучу. Если бы вы просили меня о чёмъ нибудь, я никогда бы не отказалась.

— А если бы я попросилъ доказательства?.. И говоря это, я тихонько ее притянулъ къ себѣ.

Она не противилась.—Все, что хотите, шепнула она, прижимаясь щекой къ моему плечу.—У меня нѣтъ положительно ничего, въ чёмъ я могла бы вамъ отказать, мосьѣ Поль, продолжала она уже не шутя.—Но я боюсь, что я не болѣе какъ ребенокъ въ вашихъ глазахъ и что послѣ всѣхъ доказательствъ, окажется, что вамъ ничего не нужно отъ Сары.

Вместо отвѣта, я обнялъ ее и расцѣловалъ. Она за-

щищалась плохо.—Довольно! Довольно! шептала она.—Вы обращаетесь со мною совсѣмъ какъ съ маленькою девчонкой! А я... О! что мнѣ дѣлать, чтобы доказать вамъ, что я уже не дитя?.. Вотъ!.. И прижавшись къ груди моей, она отвѣчала мнѣ бѣшенымъ поцѣлуемъ.

Не взирая на всю рѣшимость играть хладнокровно свою игру—я былъ увлеченъ до безпамятства; трудно сказать, какъ долго оно могло бы продолжаться, если бы шумъ шаговъ, приближившихся къ намъ, не напомнилъ намъ внѣтно, что мы на улицѣ. Аллея, въ которой мы съ нею сидѣли, была въ десяти шагахъ отъ ихъ дома и я не успѣлъ придти въ себя, какъ мы были уже у ея дверей. Второпяхъ, она назначила мнѣ часъ на завтра, и я обѣщалъ прийти.

VIII.

Я воротился къ себѣ влюбленный по уши; по какому-то странному внутреннему противорѣчію, никакого желанія сдѣлаться зятемъ старого игрока не связано было съ этимъ чувствомъ. Напротивъ, меня охлаждала мысль, что ниточка, завязавшаяся вчера, способна меня привести къ такой развязкѣ. Съ поверхности точки зрењія кто нибудь скажетъ пожалуй, что это черство; но если принять во вниманіе—какъ неожиданно все случилось и какъ двусмысленны для меня были истинные мотивы Сары, то, говоря по совѣсти, я не могъ и смотрѣть на случившееся иначе, какъ на заманчивую, но рискованную игру. Такъ именно оно и представилось мнѣ, когда, на другой день, рано, жаръ мой немного остылъ и я попробовалъ разобраться въ хаосѣ своихъ впечатлѣній. Многое оставалось однако еще неясно, когда наступилъ уже часъ свиданья, назначенаго мнѣ Сарою.—„Кто ее выучилъ такъ цѣловаться?“ думалъ я между прочимъ.

Что-то пахнуло мнѣ жаромъ въ лицо, когда я ее увидѣлъ, и никогда еще она не казалась мнѣ такъ мила. Она сама отворила мнѣ двери, шепнувъ съ шаловливой усмѣшкою, что она нарочно услала горничную. Но когда я хотѣлъ обнять ее, вдругъ измѣнила тонъ и съ какимъ-то печальнымъ видомъ просила меня оставить это. Она не за этимъ меня звала. Она ожидаетъ чтобы я доказалъ ей иначе свою любовь... И на сцену явилось опять вчерашнее предложеніе.

Я отвѣчалъ, что имѣя въ виду примѣръ отца ея и опасность стать игрокомъ по страсти, я даль себѣ клѣту болѣе не играть, но что я слишкомъ люблю ее, чтобы не сдѣлать для неї исключенія.

— Правда? воскликнула она, вся просиявъ.—О! какъ я счастлива! И какъ выросла на свои глаза!.. Милый мой мосьѣ Поль...

— Зовите меня просто Поль, Сара.

— Поль! Дайте мнѣ уѣдѣться въ моемъ торжествѣ. Скажите мнѣ не шутя, что вы изъ любви ко мнѣ рѣшаитесь на такую жертву.

И когда я исполнилъ ея желаніе, она съ какимъ-то восторженнымъ взоромъ, стала мнѣ говорить, какъ она давно уже полюбила меня; и что нѣтъ жертвы, которую она не готова была бы принести, чтобы доказать мнѣ это, и прочее.

Я слушалъ ее съ недовѣрчию усмѣшкой.

— Не странно ли, Сара, сказалъ я:—что на словахъ мы не находимъ жертвы, достаточной чтобы выразить нашу любовь, а на дѣлѣ нѣйдемъ дальше первого поцѣлуя?

Она покраснѣла какъ только красиѣть въ ея года.

— Не думайте, впрочемъ, что я вамъ ставлю это въ укоръ, пояснилъ я. Такъ принято, и не ваша вина, что оно такъ принято.

— Мой Богъ! Что такое вы говорите!.. Чѣмъ принялъ?

— Принято, что дѣвица въ правѣ идти только до первого поцѣлуя, послѣ котораго правила осторожности заставляютъ ее остановиться и ждать, чтобы намѣренія

мужчины выяснились. Тогда, если онъ хочетъ чего нибудь далѣе, онъ уже долженъ идти къ родителямъ и просить руки. А затѣмъ: атласное платье, вѣнокъ изъ бѣлыхъ цветовъ и обѣты передъ алтаремъ...

— Вы насмѣхаетесь надъ женитьбой? сказала она испуганная.

— Нѣтъ, Сара, но я говорю о ней равнодушно, какъ о предметѣ меня не касающемся. Я не женихъ. У меня, другъ мой, характеръ такой несчастный, что я не могу отвѣтить за прочность своей привязанности. Люблю пока любится, а какъ долго буду любить—не знаю.

Она молчала, видимо оскорблена.

— Поэтому, вы прекрасно сдѣлали, отказавъ мнѣ сегодня въ дальнѣйшихъ, вещественныхъ знакахъ вашей привязанности. Вы уѣдили меня, что вы уже не ребёнокъ и что вашъ батюшка можетъ быть совершенно спокоенъ, когда онъ уходитъ на цѣлые дни, оставляя васъ дома одну.

— Поль, милый другъ! сказала она.—За что вы меня такъ оскорбляете? Развѣ я вамъ навязываюсь? Я вѣрю люблю безкорыстно и вѣрю, что вы меня любите также. А что касается до замужства, то я, какъ и всякая девушка, разумѣется не отказалась бы выйти за мужъ за человѣка, котораго я люблю; по мое положеніе таково, что я не могу на это разсчитывать. Я не могу покинуть отца, на старости, одного; а съ нимъ кто захочетъ взять на себя такую обузу?.. И говоря это она горько заплакала.

Мнѣ всей душой было жаль бѣдняжку; но все что я могъ бы сказать, чтобы утѣшить ее, такъ очевидно не достигало цѣли, что лучше было уже совсѣмъ молчать. Подумавъ однажды, я рѣшился хоть оправдаться, насколько это возможно было въ моемъ положеніи, и взявъ ее за руку:—Сара! сказалъ я:—простите меня, если я такъ неловко и грубо высказалъ вамъ то, что навѣяно на меня сегодняшней вашей строгостью. Клинусь вамъ, что я ни на минуту не сомнѣвался въ васъ; но мнѣ невѣльно пришло на умъ, что, можетъ статься, вчера вы повѣрили вашему батюшкѣ кое-что изъ случившагося и что его уроки...

Но не успѣлъ я договорить, какъ она, всплеснувъ руками, вскочила въ какомъ-то ужасѣ.

— О! я—несчастная... О!—этотъ стыдъ!.. Кто вамъ сказалъ?.. О! я умру отъ стыда!

Съ трудомъ я успѣлъ успокоить ее немнogo, клятвенno увѣряя, что я ни отъ кого ни слова не слышалъ о томъ, что у нихъ происходило съ отцомъ, и что это, съ моей стороны, только одни предположенія.—Въ которыхъ, къ тому же, нѣтъ ничего обиднаго; Сара, прибавилъ я, нѣжно цѣлую руку ея:—родители, очень естественно, смотрѣть на многія вещи иначе чѣмъ дѣти, и ихъ совѣты склоняются часто на сторону осторожности.

Догадывалась ли Сара, въ какой связи для меня должны были находиться эти совѣты съ вчерашнимъ ея предложеніемъ, только немнogo спустя, когда мы вернулись къ послѣднему, она уже не пыталась скрыть участіе въ немъ отца.

— Онъ вѣрить въ ваше неистощимое счастье, говорила она:—гораздо болѣе чѣмъ въ систему, и вѣроятно не будетъ настаивать, чтобы вы держались ея; но онъ слишкомъ самолюбивъ, чтобы признаться въ этомъ, и вы, мой другъ, будьте великодушны, не требуйте отъ него объясненій на этотъ счетъ.

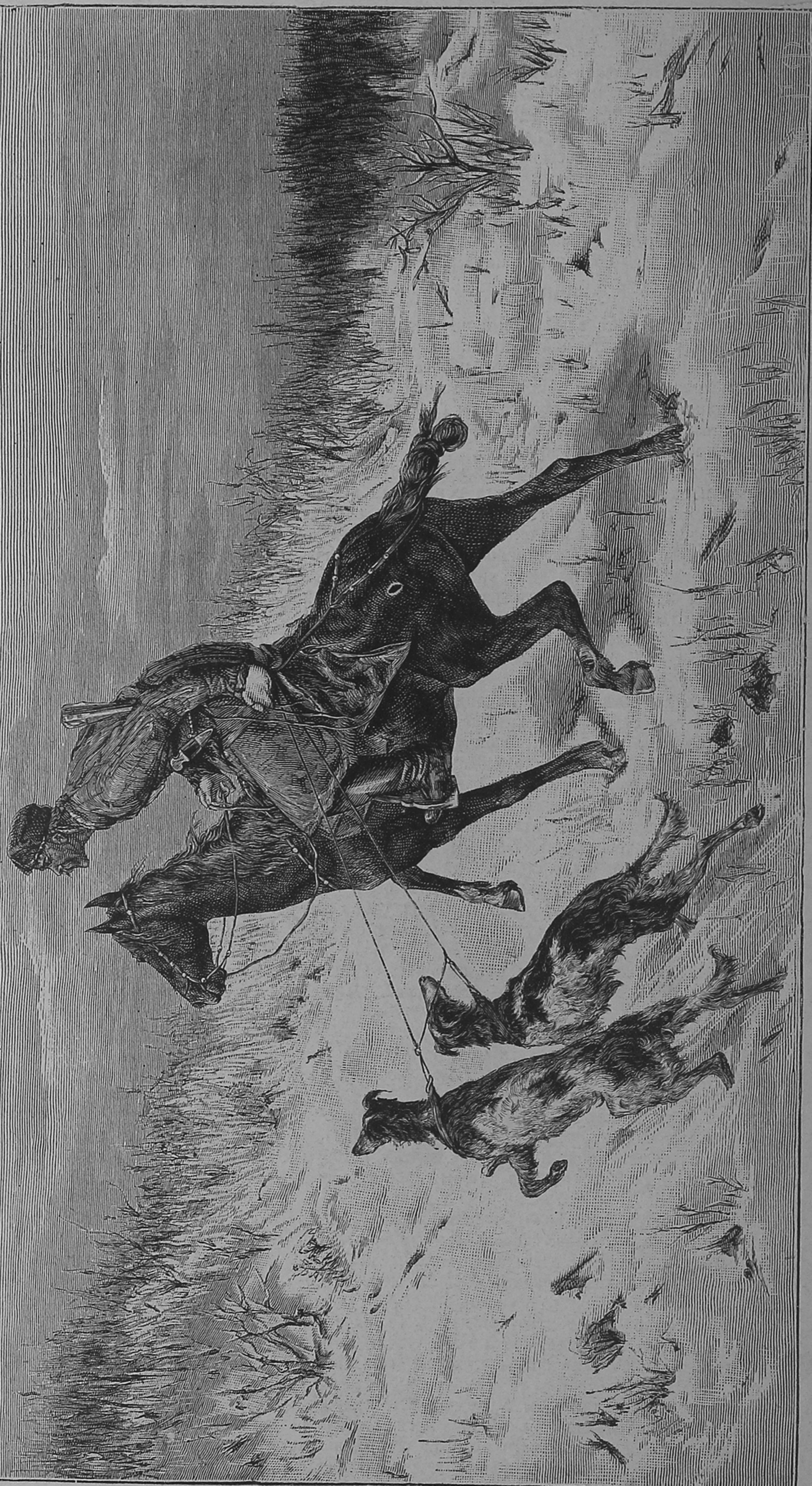
— Нѣтъ, Сара, я отвѣчалъ:—у меня нѣтъ такой вѣры въ счастье, чтобы взять на себя ответственность за успѣхъ, рискуя чужими деньгами. Отецъ вашъ долженъ оставить свое самолюбіе и сказать мнѣ ясно: какъ онъ желаетъ чтобы я игралъ.

— Да какъ угодно.

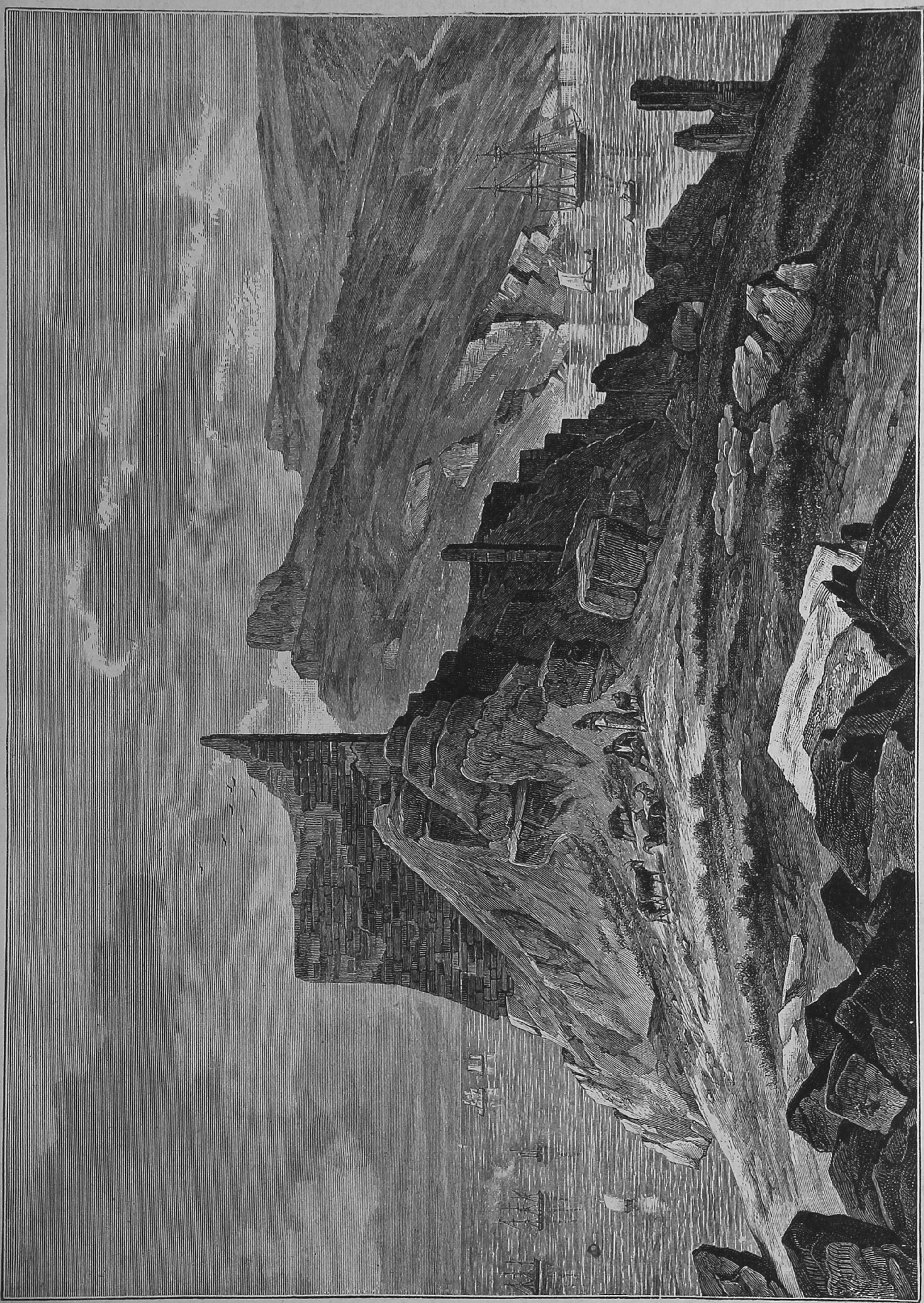
— Онъ вамъ это самъ сказалъ?

— Сказалъ.

— Ну, а если я проиграю послѣднія ваши деньги?

По порошь за краснымъ. Съ акварели П. П. Соколова, грав. Флюгель.

Крымские виды. Близъ Балаклавы. Съ карты акад. Фрикке, грав. М. Рампеский.

— Что ж? Въ худшемъ случаѣ развѣ не все равно: черезъ его или ваши руки онъ уйдуть? Но я надѣюсь, что ваше счастье вамъ не измѣнить такъ скоро...

Тѣмъ временемъ, на дворѣ стемнѣло и въ полумракѣ неосвѣщенной комнаты, разговоръ нашъ мало по малу умолкъ. Ночь смотрѣла уже со двора, когда горничная, передъ моимъ приходомъ усланная зачѣмъ-то, вернулась и подала намъ свѣчи. Сара сидѣла облокотясь, у отворенного окна. Въ комнатѣ было душно; ни одного дыханія не долетало снаружи. Окно выходило въ садъ; но въ саду не видать ничего, кромѣ чащи зеленыхъ вѣтвей, мѣстами почти врывавшихся въ комнату. Густая листва ихъ, въ свѣтѣ огня почти обезцвѣченная и какъ-то мертвенно неподвижная, напоминала скорѣй театральную декорацию, чѣмъ живую зелень... Въ квартирѣ было такъ тихо, что слышенъ былъ шелестъ ночныхъ мотыльковъ, залетавшихъ изъ сада, въ отворенное окно.

Послѣ довольно долгаго перерыва, во время котораго я съ участіемъ вглядывался въ ея отуманенные раздумья черты, нашъ разговоръ вернулся мало по малу къ игрѣ, и на мои разспросы Сара, съ застѣнчивою усмѣшкой, призналась мнѣ, что ее иногда смущаетъ едва одолимое искушеніе.—Мнѣ снятся, рассказывала она:—игорный столъ и нумера, на которые я выигрываю, и куча золота, которую я не знаю какъ унести; и послѣ этого меня тянетъ туда, такъ тянетъ, что если бы я не боялась отца, я побѣжала бы тотчасъ въ курсалъ.

— Сара! сказалъ я испуганный.—Я вѣсъ не понимаю! Какъ можете вы относиться съ такою ребяческою безпечностью къ такимъ страшнымъ вещамъ?

Она подняла на менѣ удивленный взоръ.

— А что? сказала она спокойно.

— Какъ что? Да вѣдь это сѣмя той самой страсти, которой отецъ вашъ обязанъ всѣми несчастіями! Это протянутыя къ вамъ лапы дьявола, которыхъ ждутъ только случая, чтобы увлечь васъ туда, откуда не существуетъ возврата!

Что-то тревожное промелькнуло въ ея чертахъ; но, посмотрѣвъ на меня съ минуту серьѣзно, она улыбнулась.

— О! вамъ легко читать мнѣ мораль! сказала она:— послѣ того какъ сами вы наигрались вѣластъ! Но когда васъ тянуло туда, вы вѣдь не побоялись дьявола. И кажется онъ вамъ не далъ причины раскаяваться, что вы съ нимъ имѣли дѣло. Вотъ, вы теперь съ деньгами и никакой несчастной страсти, благодареніе Богу, еще не нажили.

Я собирался ей возражать, но въ самую эту минуту громкій, нетерпѣливый звонокъ заставилъ насъ вздрогнуть. Въ прихожей былъ слышенъ знакомый голосъ. Сара вскочила и бросилась со всѣхъ ногъ на встрѣчу отцу. Но онъ уже былъ на порогѣ и стояло только взглянуть на него, чтобы прочесть въ движениіи, въ позы, во взорѣ, въ малѣйшей жилкѣ его лица,—свирипое торжество.

Это былъ первый разъ, что онъ воротился домой съ крупнымъ выигрышемъ.

IX.

Счастіе, съ этого вечера, повалило старому игроку широкой, почти непрерывною полосой, и онъ скоро разбогатѣлъ, перѣхалъ въ большую, богато меблированную имъ на свой счетъ квартиру, завелъ щегольской экипажъ, знакомства. Выигрыши его, своимъ числомъ и быстро-ростущею суммою, далеко затмили мою единственную, хотя и блестательную побѣду. Въ городѣ, имя Фіамеса было на языкѣ у всѣхъ, игра его собирала вокругъ густую толпу. Минутъ черезъ пять послѣ его прихода, къ столу уже трудно было притискаться, и въ послѣднихъ рядахъ, любопытные вынуждены были

взлѣзть на стулья. Чтобы видѣть его игру, я часто бралъ его подъ руку и мы подходили къ рулеткѣ вмѣстѣ. Ледѣ, накопившійся между нами за время его неудачъ, теперь растаялъ; мы говорили свободно о томъ, что недавно еще выводило его изъ себя;—старикъ сталъ любезентъ, веселъ,—со мной особенно; клялся, что онъ никогда не забудетъ моей услуги, мало того—что онъ возвратитъ мнѣ деньги тотчасъ, какъ только кампанія этого года окончится. На разспросы мои о его системѣ, онъ увѣрялъ, что держался и продолжаетъ держаться ея до сихъ поръ.

— Безъ счастья однако не обошлось, замѣтилъ я ему разъ, съ усмѣшкой.

— Ну, я вѣдь и не утверждалъ, что обойдется, отвѣчалъ онъ съ своею старой самоувѣренностью. Банкъ, какъ вы видѣли въ вашемъ случаѣ, тоже не застрахованъ противъ капризовъ счастья; а между тѣмъ никто не оспариваетъ его системы. Да и помимо игры, во всемъ гдѣ успѣхъ зависитъ хоть скольконибудь отъ счастья, тоже. Возьмите хоть судоходство. Шарь—вѣрный слуга мореплавателя; но противъ шторма и паръ безсиленъ. Мнѣ самому случилось однажды выдержать ураганъ въ Бискайскомъ заливѣ; и настѣ, въ одинъ день отнесло на четыреста миль отъ нашего курса, къ западу, не взирая на то, что руль, все время, положенъ былъ прямо противу вѣтра и винтъ работалъ не останавливаясь... Моя ошибка совсѣмъ не въ системѣ; а въ томъ, что я рисковалъ безъ нужды. Я слишкомъ нетерпѣливъ, чтобы играть, какъ мы съ вами играли сначала, симпелями—и прочее.

Но не взирая на все, что онъ говорилъ, у меня оставались свои сомнѣнія...

Между прѣѣзжими въ Вѣнѣ, отыскался какой-то старый знакомый его, французскій банкиръ съ семействомъ, и Сара, первый разъ въ жизни, увидѣла общество. Попшли пикники, обѣды и выѣзды. Она не умѣлаѣздить верхомъ; отецъ взялъ ей берейтора. Но первымъ, болѣшимъ торжествомъ ея былъ одинъ изъ публичныхъ баловъ въ курсалѣ. Курсъ свѣтскаго воспитанія Сары былъ коротокъ, но сѣмя его упало на благодарную почву и никакихъ слѣдовъ неловкости, робости, ничего однимъ словомъ, напоминающаго дѣвчонку въ ситцевомъ платьице, бѣгавшую еще недавно въ школу и убиравшую собственными руками ихъ жалкую, маленькую квартирку подъ кровлями,—невозможно было узнать въ прелестно одѣтой, нѣжной и свѣжей какъ только что распустившаяся лилія дѣвушкѣ, которая появилась обѣ руки съ своимъ старымъ отцомъ, въ освѣщенномъ *à jour* и полномъ уже народа залѣ. Немногіе знали ее, но всѣ замѣтили, и въ какую нибудь минуту, имя Сары Фіамесъ облетѣло собраніе.. Успѣхъ былъ рѣшительный. Когда, проплясавъ весь вечеръ, она, съ отцомъ, при разѣздѣ, ждала своего экипажа, вокругъ суетилась ужъ цѣлая свита разноплеменныхъ поклонниковъ. И все это перебывало у нихъ на другое утро; и Сара, съ усмѣшкой, показывала мнѣ потомъ букеты, которые она получила отъ двухъ молодыхъ англичанъ и какого-то русскаго. Послѣдняго, впрочемъ, я никогда у нея не видалъ; да и имя его похоже было на выдуманное. Она называла его „Comte Sachinka“.

Съ легкой руки этихъ первыхъ ея почитателей, около Сары скоро образовался маленький дворъ, который дѣлалъ ее для меня съ каждымъ днемъ недоступнѣе. Утромъ, у нихъ въ приемной, и послѣ обѣда, на эспланадѣ, не говоря уже о прогулкахъ за городомъ, ее почти невозможно было застать одну. Напрасно я жаловался, прося удѣлить мнѣ изъ длиннаго дня, хоть полчаса, въ которые я-бы зналъ, что не встрѣчу у ней гостей, какаянибудь отговорка была всегда у нея на готовѣ, и я уходилъ ревнивый, озлобленный.

Вліяніе новой среды на Сару, къ несчастію, скоро стало весьма ощутительно. Робость и простодушный во-

сторгъ ребенка, который тѣшился новымъ своимъ положенiemъ какъ игрушкой, смѣнились гордой самоувѣренностью принцессы, послѣ годовъ несчастія наконецъ вступившей въ свои наслѣдственныя права. Все стало низко или смѣшно въ глазахъ ея, что носило хотя малѣйшій слѣдъ мѣщанскаго, ограниченного достатка и бережливости; а на то, что стояло выше буржуазнаго уровня по своему общественному значенiu или заслугамъ, она смотрѣла уже въ очки двусмысленной сферы ея окружавшей, какъ на готовый сюжетъ для буффа. Сплетни и анекдоты о людяхъ съ извѣстнымъ именемъ, составлявшихъ—въ числѣ другихъ—прѣзжее общество, и насмѣшки надъ ихъ наружностью, надъ туалетомъ и надъ манерами дамъ изъ ихъ семейства, служили самой обыкновенной темою разговора въ этой компаніи, и меня удивляло только какъ быстро Сара усвоила ея легкій, шутливо презрительный тонъ и ея способность скользить играя по самымъ серьезнымъ вещамъ.

Ко мнѣ пріятели ея относились, какъ за границей часто относятся къ русскимъ, съ той полною затаенnoй насмѣшки, хотя и любезною снисходительностью, съ которою тамъ всякий кельнеръ въ отелѣ смотритъ на васъ какъ на наряженного по европейски татарина. Мой подвигъ однакоже не былъ забытъ и я былъ обязанъ ему извѣстной долею личнагоуваженія, вездѣ и всегда внушенаго удачей. Народъ былъ бойкій и разгульный; невольно перезнакомившись съ нѣкоторыми, я ихъ встрѣчалъ потомъ въ холостой компаніи, на распашку, въ буфетахъ, въ билліардныхъ комнатахъ, и слыхалъ ихъ пріятельскія бесѣды между собой, за бутылкой вина. Грубость, подъ вѣнчаниемъ лоскомъ, и низкие или хищническіе инстинкты сквозили въ этихъ бесѣдахъ, прикрытые ровно настолько, чтобы не бросаться въ глаза. День за день, мнѣ наконецъ опротивѣла ихъ компанія и я признался въ этомъ чистосердечно Сарѣ.

— Пари держу, что между ними есть парикмахеры или портные, сказалъ я ей какъ-то однажды, когда мы остались съ ней на минуту одни.

— Почемъ вы знаете? возразила она съ досадой.

— Да потому, какъ господа эти любятъ хвастать своимъ знакомствомъ съ домашними обстоятельствами князей и графовъ. По своему развитию и манерамъ, они конечно не могутъ принадлежать къ ихъ обществу; а между тѣмъ, кому-же можетъ быть такъ хорошо извѣстна скандальная хроника этихъ баръ, какъ не артисту, который каждый день краситъ имъ волосы или єздитъ къ нимъ примѣрять ихъ фраки и сюртуки?

Она обернулась, замѣтно уколотая, и посмотрѣла пристально мнѣ въ глаза.

— Чѣмъ съ вами? сказала она. — Я никогда, еще не видала у васъ такого злого лица!.. Если вамъ хочется оскорбить меня, то чѣмъ виноваты мои пріятели въ этомъ желаніи?

Я отвѣчалъ, что она напрасно за нихъ обижается;— я не думалъ ихъ оскорблять догадкой, что между ними есть люди, живущіе честнымъ трудомъ.

— Вотъ какъ?.. Ну а позовите узнать, остальныхъ то вы за кого считаете?

— Не знаю, Сара. На лбу у людей не написано ихъ ремесло; но надо быть осторожнымъ. Здѣсь, у игорныхъ столовъ, стекаются всякаго рода подонки, отъ офицера, выгнанного изъ своего полка за шулерство, и до бон-tonнаго каторжника.

Она надулась, и послѣ этого, долго я не слыхалъ отъ нея ни слова искренняго.

Августъ тѣмъ временемъ приходилъ къ концу; но городъ былъ полонъ, и ни одинъ изъ знавшихъ его въ былые годы, не помнилъ такого сѣзона. Слухи, что банкъ въ опасности, и что самъ хозяинъ его, съ громаднымъ резервнымъ фондомъ, давно уже тутъ—въ исходѣ мѣсяца начали привлекать изъ Эмса, изъ Бадена, изъ Парижа,— массу досужихъ охотниковъ поглазѣть на большую игру.

Но большая часть уѣзжала разочарованная, такъ какъ рѣшительный бой длился обыкновенно не долѣе двухъ часовъ въ сутки, и въ эту пору, игорный локаль рулетки не съ состояніемъ былъ вмѣстить всей публики. Многіе, не успѣвъ пробиться къ столу, уходили въ читальныя залы или на эспланаду, и тамъ поневолѣ вынуждены были довольствоваться извѣстіями, которыя получались съ поля сраженія. Самъ старый герой его часто изнемогалъ отъ усталости, духоты и отъ силы своихъ впечатлѣній. Страшно было смотрѣть на него когда ему не везло. Онъ приходилъ въ неистовство, рвалъ на груди бѣлье, рвалъ галстукъ и съ воспаленнымъ взоромъ, съ задавленными проклятіями на языкѣ, хватался за волосы. Кто видѣлъ его въ такие минуты, дивился только какъ силы его выдерживали ту истинно-адскую степень нравственного страданія, которая искажала его лицо. Но ни угрозы врачей, пугавшихъ его разрывомъ сердца, ни увѣщанія дочери и друзей, ни мирная предложенія со стороны врага, который готовъ былъ на всякую сдѣлку, ничто не могло смягчить побѣдителя.

— Покуда я живъ, зарекался онъ какъ-то однажды, съ пѣной у рта:—и покуда у этой собаки (его противникъ) звенитъ хоть одинъ червонецъ въ карманѣ, я не окончу игры!.. Съ нимъ—миръ? Нѣть, погоди пріятели?.. А вотъ когда тебѣ грязной рубахи перемѣнить будетъ нечѣмъ, и не на что будемъ купить куска мыла, чтобы вымыть ее, тогда мы будемъ съ тобой говорить о мирѣ!

— Да, хорошо если вамъ удастся дѣ-чиста его объиграть; ну а если вы не успѣете въ этомъ? Если напротивъ онъ, съ своимъ сто-милліоннымъ фондомъ, одержитъ верхъ?

Онъ посмотрѣлъ на меня тревожно.

— Вздоръ! произнесъ онъ. — У Нуара нѣть и четверти этого.

— Ну да хотя-бы и четверть;—все таки это сила, которой хватитъ на самую длинную полосу неудачи... Фіамесъ! подумайте, чѣмъ вы рискуете? Вы теперь человѣкъ богатый и можете кончить жизнь въ довольствѣ, котораго вы давно не знали, на родинѣ, среди старыхъ друзей и семейства. Дочь ваша можетъ сдѣлать блестящую партію и вы будете еще нянчить внучатъ... Но если вы о себѣ не думаете, то пожалѣйте хоть Сару. Вы не имѣете права ставить на карту ея судьбу. Бросьте ваши безплодные замыслы мести; бросьте игру навсегда и уѣдемъ отсюда—завтра... сейчасъ!..

Но только что я начиналъ говорить объ этомъ, онъ начиналъ говорить о своей системѣ и не было никакой возможности образумить его... Выигрышъ его никто изъ настѣ не считалъ; но по слухамъ, которые шли изъ банка, они достигали до 3-хъ милліоновъ франковъ; и говорили, что Нуаръ предлагалъ ему еще столько-же за его систему, съ условіемъ чтобы онъ бросиль игру навсегда. Отказъ заставилъ первого обратиться къ другому средству. Это былъ хладнокровный, ловкій, рѣшительный человѣкъ, который вдобавокъ зналъ хорошо, хотя и побаивался своего болѣе геніального, но несравненно менѣе сдержаннаго врага... Въ одно прекрасное утро, банкъ объявилъ, что съ 1-го сентября и до конца сезона этого года, въ виду особенно крупной игры, ставки сверхъ максимума допускаются по соглашенію... Это была ловушка; — но прежде чѣмъ продолжать, я долженъ упомянуть, въ короткихъ словахъ, о несчастіи, которое около этой поры, постигло меня.

X.

Въ часы вращанія моего у игорныхъ столовъ, мнѣ часто случалось встрѣчать тамъ одного дурно-одѣтаго, долговязаго, деревянно-неповоротливаго и угловатаго молодаго нѣмца, католика, изъ подъ Кёльна. Имя его было Штиммеръ. Жидкіе русые волосы и козлиная борода его цвѣтомъ едва отличались отъ смуглаго цвѣта

лила. Онъ былъ безстрастенъ на видъ и въ компаніи молчаливъ какъ рыба. Больше, синіе, углубленные въ своихъ орбитахъ и задумчивые глаза не искрились, не смыялись, впалыя щеки не вспыхивали румянцемъ. Исторія этого человѣка, до его появленія въ В**, весьма коротка. Окончивъ курсъ медицины въ Боннскомъ университѣтѣ, онъ думалъ жениться и завести аптеку. Невѣста была найдена и нѣть никакого сомнѣнія, что это былъ выборъ сердца; но счастіе молодой четы, по нѣмецки, было отложено до тѣхъ поръ, когда материальная обстановка его будеть готова. Бездѣлицы не хватило, чтобы планъ этотъ сбылся. Старикъ, отецъ Штиммера, мелкій уѣздный лекарь, скоропостижно умеръ и маленькая его недвижимость, единственная надежда сына, пошла за долги съ молотка. Это былъ недочетъ, который перевернулъ вверхъ дномъ бѣднаго. Счастіе словно играло въ прятки съ нимъ, такъ прилежно онъ началъ его искать на разныхъ, темныхъ путяхъ: — въ игрѣ, въ лотереяхъ. Отказывая себѣ во всемъ, онъ откладывалъ большую часть своего небольшаго жалованья провизора, чтобы истратить его на какую нибудь затѣю, сулившую ему шансы сразу разбогатѣть; но ничего значительного не представлялось. Нѣсколько изобрѣтеній по своей части не дали ему ни конѣйки; — въ карты его обигрывали; — на лотереяхъ — онъ выигралъ только одну картонную бонбоньерку со старыми леденцами, да мельхиоровый портсигаръ. Но за пять лѣтъ экономіи, у него скопилось около тысячи гульденовъ, съ которыми онъ не зналъ что дѣлать. Тогда, самъ дьяволъ, въ образѣ мелкаго книжнаго торговца на ярмаркѣ, взглядавшися въ его лицо, чтобы угадать чего ему требуется, подсунулъ ему брошюрку съ заклеенною кругомъ оберткою и съ заманчивымъ, красными буквами пропечатаннымъ накосъ заглавіемъ: — „Вѣрный способъ выиграть 200,000“... Способъ былъ слишкомъ явно нелѣпъ, чтобы соблазнить молодаго провизора, знавшаго цѣну реклами по составу цѣлительныхъ эликсировъ и разнаго рода другихъ, универсальныхъ средствъ, которыми были полны витрины его аптеки; но онъ натолкнулъ мечтателя на опасный путь... И вотъ, черезъ годъ послѣ этого, Штиммеръ стоялъ у рулетки со всей своей экономіею въ карманѣ и разумѣется съ собственной, безошибочною системою въ головѣ.

Фигура его была уже мнѣ знакома, когда я встрѣтилъ или вѣрнѣе увидѣлъ его однажды, шагахъ въ двадцати передъ собою, въ любимомъ мѣстѣ моей прогулки, тѣнистой аллѣѣ Эберталъ. Но мнѣ вѣроятно и въ голову не пришло бы заговорить съ нимъ, еслиъ меня не поразило какое то странное и совсѣмъ несвойственное его наружности возбужденіе, въ которомъ онъ находился. Онъ шелъ въ припрыжку, дико размахивая руками и распѣвая на всю долину, нѣмецкимъ, горловымъ теноромъ, отрывки застольныхъ студенческихъ пѣсенъ, кончавшіеся самымъ нелѣпымъ образомъ, йодулами и трап-ла-ла. Я былъ уже близко, какъ вдругъ онъ бросился на траву и зарыдалъ. Понятно, въ своемъ аффектѣ, онъ не замѣтилъ присутствія посторонняго человѣка сзади; но тѣмъ не менѣе все это поразило меня и я, подбѣживъ, спросилъ его по нѣмецки: — что съ нимъ?

Испуганный и сконфуженный, не понимая какъ я очутился тутъ, онъ приподнялся, всматриваясь.

— Вы русскій, который выигралъ миллионъ? сказалъ онъ, узнавъ меня.

Смѣясь, я поправилъ его ошибку и слово за слово, мы съ нимъ разговорились. Бѣднаго, бившаго съ мѣсяцъ безъ результата, сегодня былъ первый разъ въ выигрышѣ; но съ непривычки, это ударило ему въ голову такъ, что по собственному сознанію, я его долженъ былъ счастье за сумасшедшаго или пьяного. Въ рѣчахъ и въ манерахъ его было что то простое и искренное, что невольно расположило меня къ нему. Встрѣчаясь

почти каждый день, мы дѣлали съ нимъ иногда прогулки за городомъ. Во время одной изъ такихъ прогулокъ, онъ рассказалъ мнѣ чистосердечно свою исторію...

Претензіи его были изъ самыхъ скромныхъ. Разъ за ручившись удачей, онъ скоро выигралъ болѣе чѣмъ ему было нужно; но голова у него была уже отуманена быстрой наивной и никакие совѣты и убѣжденія не могли заставить его окончить игру. Когда я пугалъ его, что онъ можетъ все проиграть, онъ отвѣчалъ мнѣ, что онъ не ребенокъ. Онъ далъ себѣ клятву забастовать и уѣхать отсюда тотчасъ, какъ только излишне, теперь приобрѣтенный имъ сверхъ смѣтной суммы, уйдетъ у него изъ рукъ, — и онъ это сдѣлаетъ.

— Я счелъ бы себя за подлеца, прибавилъ онъ горячо: — если бы я позволилъ себѣ сознательно проиграть хоть гульденъ изъ денегъ, необходимыхъ мнѣ съ мою Эмилией.

— Смотрите, Штиммеръ, сказалъ я ему: — не полагайтесь слишкомъ на этого рода зароки. Дьяволъ игры лукавъ и онъ можетъ съиграть съ вами злую шутку.

— Однако, вотъ съ вами же не съигралъ?

— Но я отъ него удалился во время. Я не играю болѣе.

— А зачѣмъ же вы тутъ живете?

— Да какъ вамъ сказать?... Я изучаю характеръ и слабости игроковъ.

— Ну, я надѣюсь, что въ вашихъ этюдахъ, если они у васъ будутъ записаны, мой параграфъ не сдѣлаетъ мнѣ стыда.

Надежда эта однажде не сбылась, и въ исходѣ августа, въ одно дождливое утро, передъ обѣдомъ, несчастный сидѣль у меня съ помертвѣвшимъ, осунувшимся лицомъ, и съ трясущимися руками, — живая картина отчаянія.

Рассказъ его былъ коротокъ, да онъ и не могъ рассказывать связно: — языкъ его спотыкался, губы косило и передергивало. Напрасно я убѣждалъ его, что въ сущности онъ потерялъ только деньги, которыхъ онъ привезъ съ собой, и что смѣшно отчаяваться изъ за такого вздора; — что онъ здоровъ, молодъ, а жизнь широка и служба провизора въ ней не единственный путь, на которомъ, съ терпѣніемъ и настойчивостью, можно себѣ приобрѣсти достатокъ. На всѣ попытки мои утѣшить и ободрить его, онъ молчалъ, потупивъ глаза, какъ осужденный. Но когда кончилъ, я предложилъ ему небольшія деньги, достаточныя чтобы расплатиться тутъ въ городѣ и вернуться домой, бѣднаго ожила, взялъ у меня мой чекъ, и крѣпко пожавъ мнѣ руку, исчезъ.

Мнѣ показалось странно, что онъ не простился и не сказалъ ни слова о времени своего отѣзда. — „Значитъ, не думаетъ уѣзжать сегодня...“ Короче, я былъ уверенъ, что я увижу его еще. И въ этомъ я не ошибся; но все остальное, что связано было фатальнымъ образомъ съ нашей послѣдней встрѣчей, стряслось неожиданно.

Смеркалось, и на небѣ, послѣ дождя, начинало проясняться, когда окончивъ послѣобѣденную прогулку въ паркѣ, я подходилъ къ курзалу. Онъ былъ уже весь въ огняхъ и на эспланадѣ толпился народъ. Музыка только что начинала какой то вальсъ. Обогнувъ съ правой руки бассейнъ, я шелъ дорожкою, у воды, какъ вдругъ, навстрѣчу мнѣ, изъ толпы выдѣлилась сумрачная, мужская фигура.

— Штиммеръ? воскликнулъ я поровнявшись.

Онъ посмотрѣлъ на меня какъ то косо и, не отвѣчая, ускорилъ шагъ... Я повернулъ назадъ и за нимъ.

— Штиммеръ! что съ вами?

— Оставьте меня... Я человѣкъ погибшій...

— Куда вы идете?

— Къ чорту!

Въ эту минуту, я обогналъ его и, заступивъ дорогу, принудилъ остановиться.

Густавъ Дорѣ. „Потерянный рай“, Дж. Мильтона.

„Сатана низвергается съ водопадомъ и выходитъ окутанный вечернимъ туманомъ“ (Пѣснь IX, стр. 169).

— Вы проиграли деньги?

— Чем вам за дело? Я у вас не прошу другихъ. Я не спускалъ съ него глазъ. Онъ держалъ правую руку за пазухой, очевидно сжимая что то.

— Штиммер! Ради самого Бога! Чем вы хотите дѣлать съ собой?

— Единственное что остается во власти моей. Пустите! Не вынуждайте меня окончить счеты тутъ, на виду у всѣхъ... Пустите, я вамъ говорю;—а не то...

И отскочивъ отъ меня какъ бѣшеный, онъ выхватилъ изъ за пазухи то, что сжимала его рука. Въ тѣни не видать было чѣмъ, но я слышалъ явственно взводъ курка. Чѣмъ было дальше, осталось въ памяти у меня какъ тяжелый сонъ. Помню, что я схватилъ его за руки; помню задавленный крикъ, борьбу и звукъ выстрѣла. Помню еще какое то странное ощущеніе въ лѣвомъ боку, словно я стукнулся обо что нибудь, и въ груди у меня захвачило дыханіе, голова ослабла, въ глазахъ завертелась какіе то огоньки...

Я очнулся въ курзалѣ, раненый, и вокругъ меня суетилось нѣсколько незнакомыхъ людей. Руки у одного изъ нихъ были въ крови; другой подносилъ мнѣ ко

рту стаканъ воды; и они говорили между собою что то невнятное,—комната, лица—все колыхалось и плыло вокругъ меня. На подѣздѣ, когда меня усаживали въ карету, я потерялъ опять сознаніе. Послѣ ужъ я узналъ, что старикъ Фіамесъ, услыхавъ о моемъ несчастіи, бросилъ игру и что, по его настоянію, меня отвезли къ нему.

Штиммеръ остался пѣлъ. Какие то два швейцарца, шедшіе недалеко, успѣли обезоружить его. Онъ былъ задержанъ и дня черезъ два, когда отсутствіе всякаго рода умысла противъ меня со стороны его стало ясно, высланъ изъ города. Но не далѣе какъ съ недѣлю тому назадъ,—я имѣлъ удовольствіе получить отъ него письмо, которое успокоило совершенно мое опасеніе. Нѣмецъ писалъ мнѣ, что послѣ того какъ Богу угодно было, моими руками, спасти его отъ безумнаго дѣла, онъ много думалъ, и что несчастный исходъ этого случая для человѣка ни въ чемъ неповиннаго, больше всего отрезвилъ его. Онъ отрѣкся теперь отъ дьявольского соблазна и, не теряя надежды на счастье, занять полезнымъ трудомъ.

(До слѣд. №.)

Другъ Камилла.

Разсказъ Альбины.

Его друзья? Это были все чрезвычайно симпатичные и скромные молодые люди.

Такъ думалъ всегда Камилль Морандо съ полнымъ убѣждѣніемъ и удовольствіемъ; но въ одинъ прекрасный день ему пришлось повторить себѣ эти слова вопросительно. И неудивительно, онъ только что просилъ позволенія своей будущей тещи синьоры Анны Торрэз, представить ихъ ей и вдругъ сталъ затрудняться въ выборѣ.

Фортини, думалъ Морандо, возвращаясь въ городъ въ этотъ вечеръ. О, это прекраснѣйшій человѣкъ въ мірѣ! Вѣчная улыбка на розовомъ и бѣломъ личикѣ, всегда готовъ оказать услугу друзьямъ и постороннимъ.

Но Боже мой! Онъ былъ такой смѣшной, простодушный и неловкій! Въ обществѣ, его можно принять просто за идиота, онъ просто возбуждалъ жалость. Никогда онъ не могъ отвѣтить впопадъ, краснѣлъ ото всего; подать руку дамѣ боялся ужасно; то протянетъ ее, то опять отдернетъ и когда наконецъ надумается, то дама ужъ давно отошла. Но самый трудный подвигъ для Фортини—выбрать себѣ сѣдалище. Мягкая мебель пугала его, пожалуй, еще больше дамъ и онъ не смѣлъ даже взглянуть на нее; оставалось выбрать одинъ изъ пяти или шести разнаго рода стульевъ и стульцевъ. Кажется легко—а между тѣмъ выходило очень серьезное дѣло! По крайней мѣрѣ судя по раскраснѣвшемуся лицу и растерянному виду Фортини, когда это ему удавалось наконецъ. Онъ предпочиталъ всему складные стулья; но еще не выучился садиться на нихъ и потому большую частью слышался крахъ.. и Фортини, если не всякий разъ терялъ равновѣсіе, то всегда окончательно приходилъ въ крайнее замѣшательство.

Камилль рѣшилъ, что будетъ чисто добрымъ дѣломъ не подвергать Фортини мученію нового представленія. Можетъ быть, онъ такъ-же подумалъ при этомъ и о складныхъ стульяхъ дома Торрэз—не ручаюсь за это.

Ну, а этотъ милѣйший инженеръ Карини? Проворный, веселый, немного хвастунъ. Онъ записался въ филологический клубъ и каждый вечеръ ходилъ туда ораторствовать на своемъ чистѣшемъ нарѣчіи и декламировать сочиненія Порта. Онъ былъ удивительно симпатиченъ, но остроуміе его не всегда отличалось скромностью, а его живость граничила съ нахальствомъ. Онъ никогда не видалъ его въ дамскомъ обществѣ и за него боялся. Нѣть, онъ не рѣшился имъ рисковать.

А Казелли! Вотъ человѣкъ: поэтъ, красивый, краснорѣчивый и вдобавокъ несчастный! Онъ подумалъ полуслутя, полусерьезно, что всѣ молодыя девушки влюблялись въ него. Слѣдовало ли Морандо подвергать свою невѣstu такому испытанію? Онъ нашелъ, что это было бы по меньшей мѣрѣ лишнее.

Но вотъ Пеппо Маффенсъ? И его сердце болѣзnenno сжалось...

Кто-бы могъ подумать, когда они учились вмѣстѣ и у нихъ было все нераздельно, что придется время, когда они будутъ жить врозь и какимъ образомъ! Что одному будетъ совѣтно представить тѣварища своей певѣстѣ?

Прежнему Маффенсу, Камилль повѣрилъ-бы даже тайну любви, наполнявшей теперь всю его жизнь, а теперешнему Маффенсу онъ рѣшился объявить только, когда день свадьбы былъ уже назначенъ. И то онъ долго думалъ какъ лучше сказать ему это. Морандо боялся сострадательного и горькаго взрыва смѣха,

которымъ Пеппо теперь отвѣталъ на его самые важные планы и лучшія мысли.

Наконецъ онъ рѣшился и сказалъ ему.

Пеппо взялъ его за подбородокъ, повернулъ его лицо къ себѣ, какъ будто онъ былъ ребенокъ, и серьезно смотря ему въ глаза, спросилъ:

— Сколько тебѣ лѣтъ?

— Двадцать пять.

— Бѣдный мальчикъ! и онъ быстро провелъ исхудалой рукою по его волосамъ.

— Ты вѣришь, что я желаю тебѣ добра?

— Больше чѣмъ я того стою.

— Больше чѣмъ себѣ?

— Чѣмъ кому? и Камилль засмѣялся.

Маффенсъ поблѣдѣлъ, но въ это время подошелъ товарищъ и предложилъ зайти къ Хази, выпить стаканчикъ вина.

О! да, Камилль совсѣмъ забылъ обѣ немъ!

Паоло Баттіяни! — Вотъ другъ, котораго можно безопасно представить! Изящный, любезный, настоящій рыцарь предупредительности; онъ одинаково учтивъ со всѣми: старыми и молодыми, прекрасными и некрасивыми, прямой, открытый, откровенный, какъ будто ухаживалъ за всѣми. Онъ былъ общий любимецъ дамъ, особенно тѣхъ, на кого другіе не обращали вниманія.

Камилль вспомнилъ съ какимъ восторгомъ говорила о его другѣ старушка тетка его невѣсты и подумавъ: „имъ будетъ приятно, если я приведу его“, написалъ Паоло Баттіяни:

„Хочешь, я познакомлю тебя съ семействомъ Торрэз? Приходи на станцію, въ субботу, къ поѣзду, въ четыре часа“.

Паоло отвѣтилъ ему: „Очень и очень радъ познакомиться съ семействомъ Торрэз. Я уже имѣлъ удовольствіе встрѣтиться съ нѣкоторыми членами его въ домѣ Біанки. Въ субботу, въ четыре часа буду на станціи. Благодарю“.

Наступила суббота и оба молодыя человѣка отправились вмѣстѣ. Паоло держалъ въ рукахъ таинственный, почтенныхъ размѣровъ, бумажный свертокъ, перевязанный розовой шелковой лентой, и во время короткаго переѣзда успѣлъ предупредить желаніе одной дамы, отдернувъ занавѣску и приподнявъ оконное стекло, за что его весьма сухо поблагодарили, и это никакъ не смутило его.

Подѣбѣжная къ Т*** онъ вынулъ изъ кармана футляръ съ туалетными принадлежностями и принялъ расчесывать усы, смотрясь въ маленькое зеркальце; только что онъ кончилъ, какъ паравозъ остановился.

Все семейство Торрэз находилось на станціи, исключая отца, занятаго своими шелковичными червями. Тутъ была синьора Анна, а съ нею Джина, Франко, Тонино и маленькая Марія, а за ними, не превышая всѣхъ ихъ ростомъ, тетя Клотильда со своимъ огромнымъ орлинымъ носомъ и вставными зубами.

— Да тутъ тоже и Баттіяни! вскричала она своимъ грубымъ и звонкимъ голосомъ, и улыбаясь замахала закрытымъ зонтикомъ.

Джина, опершись руками на деревянный барьеръ, пристально смотрѣла своими темными глазами на окно вагона; она не улыбалась, но хотя и имѣла серьезный видъ, а въ глубинѣ ея взгляда просвѣчивало счастіе живое, сильное, болѣе ясное, чѣмъ улыбка.

Поездъ еще несовсѣмъ остановился, а Камилль уже соскочилъ и пожималъ ея ручки черезъ барьеръ.

— Но что-же дѣлаетъ Батьяни? Гдѣ ты оставилъ Батьяни? въ волненіи спрашивала тетя Клотильда, видя что другіе, по-здоровавшись съ Камилломъ, уже собирались отправиться домой.

— Ахъ да! и правда; вѣдь онъ тоже одинъ изъ твоихъ друзей, сказала синьора Анна; и всѣ обернулись и наконецъ увидали Батьяни, выходящаго изъ толпы со своимъ огромнымъ сверткомъ въ рукахъ.

Тетушка Клотильда, съ улыбкой, подмигнула своей невѣсткѣ и племянницѣ, какъ будто желая сказать: „А что? Вѣдь говорила я вамъ какой онъ красивый малый“?

А Паоло, встряхнувъ руками, и нѣсколько выдвинувъ свои манжеты и попробовавъ на мѣстѣ ли у него галстукъ, подошелъ, изящный и красивый, къ ожидавшимъ его дамамъ.

Камилль Морандо представилъ его.

— Я уже имѣлъ удовольствіе познакомиться съ синьорой во второе воскресеніе поста, въ домѣ Біанки, сказалъ молодой человѣкъ, кланяясь синьорѣ Клотильдѣ.

— Неужели! съ удивленіемъ отвѣчала синьора своимъ звѣннымъ голосомъ. Да знаете-ли, у васъ отличная память? Точно, точно во второе воскресеніе поста, и она сильнымъ и быстрымъ движеніемъ протянула ему свою широкую руку, что означало: „отлично, благодарю“!

Но невѣстѣ своего друга Паоло Батьяни поклонился особенно низко и изысканно-вѣжливымъ образомъ. Онъ почти робко взялъ руку, которую она ему протягивала, но уставившись на нее своими удивительными карими глазами онъ сказалъ ей: „Синьорина, не знаю какъ благодарить моего друга за честь, которую онъ доставилъ мнѣ“.

И когда она съ улыбкой раскрыла губки, благодаря его, онъ подумалъ, глядя на нее: „ея улыбка еще лучше ея взгляда“!

Съ тѣхъ поръ какъ Джина сдѣлалась невѣста, ея взглядъ принялъ глубокое и серьезное выраженіе и ея длинныя бѣлокурыя рѣсицы то и дѣло быстро опускаются, чтобы опять медленно подняться, почти съ легкимъ оттѣнкомъ какой-то гордости.

„Отъ чего-бы это? Отъ любви Камилла Морандо?“

Да кто онъ наконецъ этотъ Морандо? Инженеръ, купивший съ годъ тому назадъ бумажную фабрику, отъ которой, кажется, ожидаетъ хорошихъ доходовъ. Вообще-же это молодой человѣкъ какихъ тысячи, игравшій недурно на билліардѣ и ужинавшій по ресторанамъ и проводившій ночи въ собраніяхъ. Ха, ха, держу пари, что синьора Торрезе считаютъ его святошней или чѣмъ нибудь такимъ; дѣйствительно за послѣдніе два года онъ принялъ совершенно такой видъ. Да, понимаю! онъ хотѣлъ имѣть успѣхъ и зналъ, что для этого необходимо казаться какъ можно болѣе стѣченнымъ и сдержаннѣмъ. Я слышалъ, что синьора Торрезе далеко не специалистка по литературной части; а дочь ея, и тѣмъ болѣе. Ха, ха; достаточно ей, чтобы женихъ написалъ нѣсколько строкъ въ техническомъ журналь и послалъ на выставку въ Парижъ рисунокъ какой-то машины.

Но тутъ Паоло Батьяни прервалъ свои думы, чтобы подать руку синьорѣ Аннѣ и сказать нѣсколько пріятныхъ словъ синьорѣ Клотильдѣ, которая, гордо выпрямившись, пошла рядомъ съ нимъ, крѣпко придерживая за ошейникъ невѣжду Фido, не могшаго равнодушно видѣть гороховые панталоны Паоло Батьяни.

Скоро дошли до дома; съ лицевой стороны это было огромное, сырое и печальное зданіе; но, со стороны сада, все въ немъ было ново, свѣжо и весело и вездѣ и во всемъ видѣнѣ былъ умъ и хороший вкусъ синьоры Анны.

Камилль, Джина и дѣти пошли отыскивать отца въ помѣщении шелковичныхъ червей. Какъ онъ обрадовался увидя Камилла! Два раза хлопнулъ онъ его по плечу приговаривая: „милый сынокъ“! и потомъ спустился внизъ съ ними.

— Ты знаешь, онъ привезъ къ намъ одного изъ своихъ друзей, сказала Джина.

— О, отлично! Кто такой! Не тотъ-ли ученикъ земледѣльческой школы.

— Нѣтъ, это нѣкто Батьяни; въ прошломъ году онъ служилъ въ ломбардскомъ банкѣ, а теперь...

— Вотъ увидишь, онъ похожъ на принца! прерваль его Тонино.

— Онъ привезъ вотъ этакой большой бумажный свертокъ; я говорю, что это конфекты для насъ дѣтей, воскликнула маленькая Марія.

Франко, который спускался опираясь рукою на плечо сестры, наклонилъ голову и прошепталъ, подъ закрывавшими его кудрями бѣлокурыми волосами:

— Противъ какъ луна!

Это было его обыкновенное изреченіе, чтобы выразить высшую непривлекательность человѣка или вещи.

— Но почему, Франко? сказала Джина оборачиваясь и смотря на него съ удивленіемъ и неудовольствіемъ. Франко, взявъ въ ротъ набалдашникъ своей палки, смѣясь отвѣтилъ: а пожалуй, ты это знаешь лучше меня. И въ этомъ отношеніи именно совершенно одного со мною мнѣнія.

Когда сѣли за столъ, то всѣ вскрикнули отъ удивленія и удо-

вольствія. На тарелкѣ у каждого находилась изящная бездѣлушка, наполненная конфектами. У Джины была золотая корзинка съ двумя цѣлующимися сахарными голубками въ ней.

Мысль была очень милая и она встала и подошла къ синьору Батьяни, чтобы пожать ему руку, а онъ просилъ позволенія поцѣловать кольцо на ея пальчикѣ.

Она согласилась, не краснѣя и не отвѣчая ничего, но ея рѣсицы опустились и опять поднялись съ знакомымъ намъ движениемъ горделивости.

Обѣдъ прошелъ очень весело. Франко положительно ошибся. Паоло Батьяни былъ очень пріятный молодой человѣкъ; онъ обладалъ даромъ разговора, и хотя не былъ очень краснорѣчивъ, но его легкая и веселая рѣчь стушевывала нѣсколько его грубоватое остроуміе; онъ умѣлъ во время начать разговоръ о какомъ либо предметѣ и во время прервать его и неожиданно воскликнуть: „ахъ, помнится мнѣ!“ всегда почти не кстати, но это какъ то оживляло разговоръ. Батьяни зналъ все о всѣхъ и его: „говорятъ то и то,“ пріятно возбуждали любопытство синьоры Клотильды и что еще болѣе вполнѣ удовлетворяли его.

Въ этотъ день онъ рассказалъ всѣ новости Милана съ большими остроуміемъ, какъ говорила тетушка, съ весьма сомнительнымъ, какъ думала напротивъ Джина; но одно было вѣрно, что всѣ смеялись и развлекались пріятно, а потому нечего было взыскивать...

* * *

Послѣ обѣда продолжали бесѣду въ саду, но къ вечеру, черная, черная туча поднялась изъ за горы и быстро раскинулась надъ деревнею.

При видѣ ея послышались возгласы:

— Увы, увы; воскликнула озабоченно синьоръ Торрезе; сегодня, навѣрно, будетъ свѣжо и мои бѣдные шелковичные черви!—и онъ послѣднѣй пошелъ на верхъ въ ихъ помѣщеніе, чтобы взглянуть на термометръ.

— Какъ это хорошо! сказала тетушка; по крайней мѣрѣ завтра будетъ чѣмъ дышать.

— Только бы завтра не было дождя! промолвила синьора Анна. Я хотѣла устроить маленькую прогулку.

— А наша иллюминація?... О, какъ жаль, какъ досадно! кричали дѣти.

Въ эту минуту нѣсколько крупныхъ и рѣдкихъ капель попадали на стученьки, ведущія изъ сада въ гостиную и звонко застучали по широкимъ листьямъ магноліи.

— Дождикъ идѣтъ, дождикъ идѣтъ! закричала маленькая Марія, вскакивая на лужайку и поднимая къ небу свое личико съ закрытыми глазами и открытымъ ротикомъ.

Синьора Анна, тетушка и Паоло Батьяни укрылись въ домѣ и мать сказала:

— Дѣти идите въ комнату и уберите изъ саду стулья!..

Франко и Тонино схватили ихъ и принялись бѣгать по саду съ опрокинутыми надъ головой стульями. Камилль и Джина, сидѣвшіе на деревянной скамейкѣ, не встали. Джина съ улыбкой смотрѣла на братьевъ, но въ пристальномъ взглядѣ ея проплывала какая-то мысль.

— О чѣмъ ты думаешь? съ участіемъ спросилъ ее Камилль.

Еще разъ она улыбнулась и потомъ сервѣзно отвѣчала:

— Я думала, что когда-то и я была какъ они. Бездѣлица развеселить бывало меня и бездѣлица же заставляла лить слезы. Камилль—я не думала ни о комъ тогда—тебя еще не было и я все таки была счастлива. Мнѣ это кажется невѣроятнымъ...

— Отчего у тебя такой мрачный видъ?

— И точно, онъ не могъ улыбнуться.

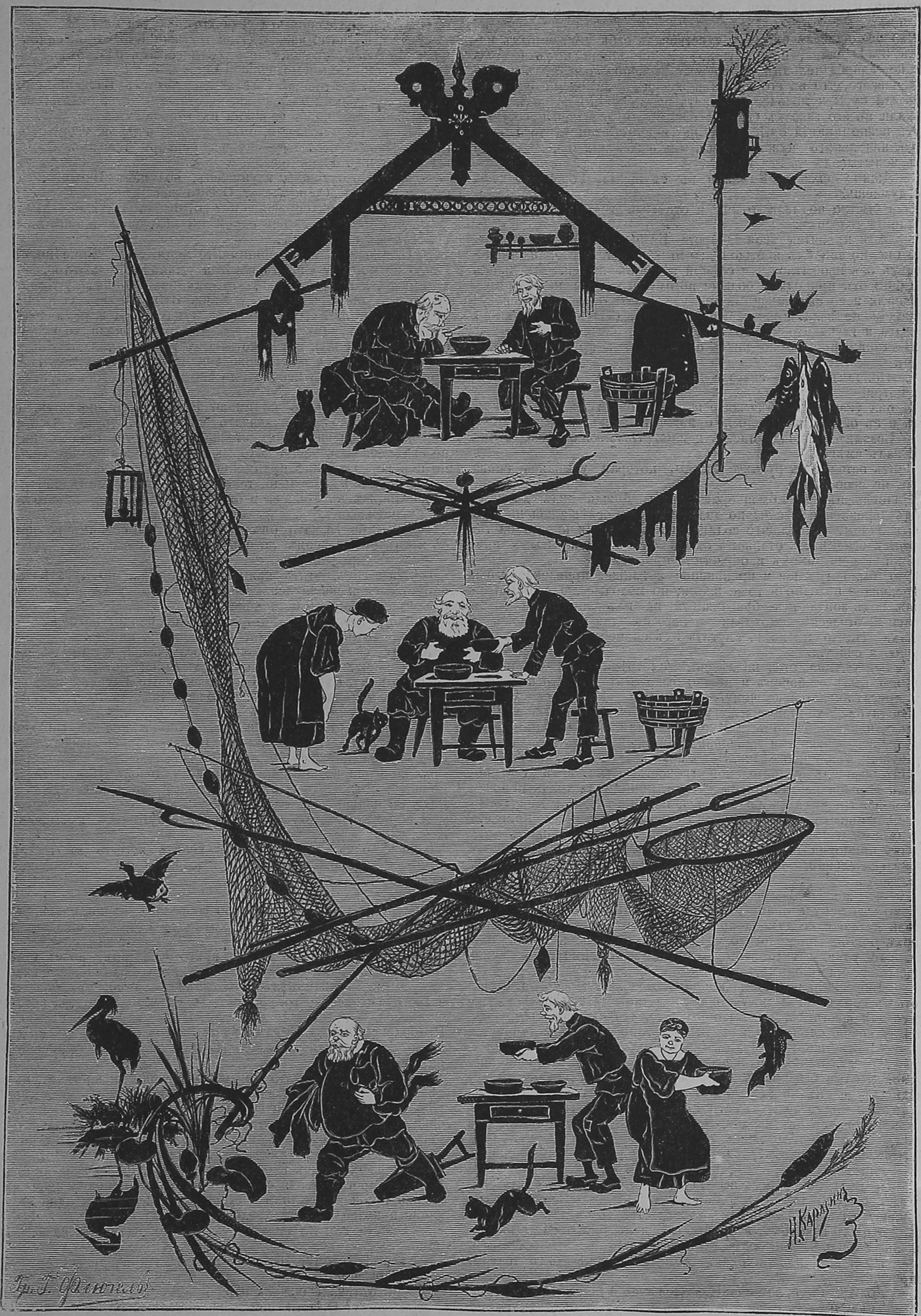
Его Джина говорила ему все, что приходило ей на умъ и онъ такъ же не могъ скрыть отъ нея, что думалъ въ эту минуту. Онъ отвѣтилъ: „Тогда—нѣсколько лѣтъ тому назадъ я не стоилъ, чтобы ты думала обо мнѣ. Я не былъ такимъ какъ теперь.“ Онъ слышалъ, что молодая дѣвушка тяжело дышала какъ будто обятая внезапнымъ страхомъ, но не смѣлъ смотрѣть на нее; онъ только взялъ ея руку и продолжалъ, передвигая туда и сюда на ея пальчикѣ, данное имъ ей кольцо:

— Джина, мужчина долженъ непремѣнно когда нибудь испытать жизнь и узнать ея самая непривлекательныя стороны. Правда нѣкоторые теряютъ при этомъ и то немногое доброе, которое было у нихъ въ сердцѣ и въ умѣ. Но тѣ, у которыхъ характеръ потверже, а особенно кто провелъ счастливое и спокойное дѣтство въ хорошемъ семействѣ, тѣ во время оста-навливаются. Это и ужасное и прекрасное мгновеніе въ одно и то же время. Испытываешь чувство ничтожества и униженія и вмѣстѣ новую силу и пламенное желаніе хорошаго и добра; и разъ возвратившись къ нему, привязываешься къ добру съ живѣйшей вѣрою и вносишь въ новую жизнь большую запасъ опытности и здраваго смысла.

— А также и невѣрія... прошептала дрожащимъ голосомъ молодая дѣвушка.

— Да это къ сожалѣнію совершенно вѣрно; но я невѣрнующій во многихъ вещахъ, а въ другихъ нѣтъ. Шовѣръ мнѣ, что я никогда не чувствовала себя столь готовымъ сдѣлать чтонибудь хорошее и полезное какъ послѣ неудавшихся начинаний. И никогда еще я такъ не испытывалъ необходимости быть любимымъ существомъ молодымъ, добрымъ и разумнымъ какъ...

Литературный альбомъ. „Демьянова уха“, басня И. А. Крылова. Силуэты Н. Н. Каразина, грав. Флюгель.

Джина, вздрогнувъ, прижалась къ нему. Камилль посмотрѣлъ на нее, но она не подняла головы; страданіе выразилось на ея внезапно наморщившемся лбу, обыкновенно столь открытомъ и чистомъ.

Что онъ сказалъ ей? Онъ чувствовалъ себя униженнымъ передъ этой милой, простодушно-доброй душой и хотя самъ также добродѣтельный и сдержанній, онъ сожалѣлъ и стыдился всего, что въ его прошлой жизни были ея недостойно. Всѣ эти кутежи молодежи, страсть-развлечений и волненій принимали въ его глазахъ больше размѣры и казались преступны какъ воспоминанія оргій. Онъ не могъ объяснить того неяснаго, печального чувства, какъ бы сожалѣнія о чёмъ-то, что онъ испытывалъ въ эту минуту.

— Джина—сказалъ Камилль въ смущеніи. Говори! О чёмъ ты думаешь?

Она быстро подняла голову и отвѣтила задыхающимся отъ волненія голосомъ:

— Мне нравится твоя доброта Камилль! Я всегда думала, что она не совсѣмъ врожденна; что это не та, которая происходит отъ неопытности и слѣпой вѣры въ людей. Ты добръ, немного отъ природы, а больше потому, что желаешь быть имъ. Краснѣя и со сверкающими глазами схватилъ онъ ея обѣ руки; никакая похвала никогда еще не возбуждала въ немъ такого живаго и глубокаго чувства счастія и гордости.

Остановившійся было дождь опять пошелъ крупными и рѣдкими каплями.

— Пойдемъ домой—сказала Джина вставая. Ахъ посмотри, посмотри!

И она указала на бѣгущаго къ нимъ брата своего Франко, онъ несъ огромный красный бумажный зонтикъ управляющаго.

— Возьмите. Я пойду писать идилю „Подъ зонтикомъ“, и онъ уѣжалъ смеясь.

Зонтикъ остался въ рукахъ Джини, которая улыбалась снова сѣла на свое мѣсто.

Налетѣвшая гроза была оригинальна. Дождь лилъ ливнемъ надъ деревней и нѣсколько дальше, холмы освѣщались послѣдними лучами заходящаго солнца, и эта красная полоса на горизонте огненнымъ отливомъ отражалась на покрытыхъ внезапной тьмою домахъ и окрестной природѣ.

Это было грозное и прекрасное зрѣлище, привлекающее и ужасающее въ одно и тоже время; но молодые люди, пріютившись подъ зонтикомъ—бросавшимъ на ихъ лица еще болѣе красный отблескъ—смотрѣли на него съ удивленіемъ, но безъ страха. Ничто не могло смутить ихъ спокойной вѣры въ будущее и счастіе.

Синьора Анна, стоя на лѣсенкѣ, смотрѣла на нихъ; но ея взглядъ былъ озабоченъ и можно было замѣтить, что она какъ бы прислушивается къ чему-то другому.

Въ глубинѣ темной залы, на диванѣ, сидѣла тетушка Клотильда и вязала чулокъ; а Паоло Батьяни, восторженно налюбовавшись игрушками маленькой Маріи, пришелъ и сѣлъ возлѣ старушки, чтобы побесѣдоватъ съ нею.

Онъ обладалъ удивительной гибкостью ума, вслѣдствіе которой дѣлался ребенкомъ съ дѣтьми, принималъ мрачный почти прискорбный видъ съ людьми печальными, а черезъ минуту дѣлался наивнымъ и откровеннымъ съ веселыми; былъ пріятель съ дамами и степененъ со стариками. Однимъ словомъ онъ умѣлъ приоровиться къ нраву каждого. Эта способность очень привлекательная, когда натуральна, дѣлается противною, когда притворна.

Но что же рассказывалъ Батьяни синьорѣ Клотильдѣ? Навѣрно что нибудь очень интересное, потому что тетушка спустила петлю и не думала поднимать ее, а слушала, смотря поверхъ очковъ на молодаго человѣка и показывая, безъ улыбки, свои удивительные зубы, которые въ эту минуту казались еще болѣе настоящими.

— Добрѣйший человѣкъ, конечно! говорилъ Паоло, и съ золотымъ сердцемъ! Я могу это сказать, потому что знаю его уже пять или шесть лѣтъ, а вы понимаете, что мы, молодые люди, между собою скоро узнаемъ, кто мы такие и чѣмъ занимаемся.

— А! Вы вѣрно живете съ нимъ одной жизнью.

— То есть одной жизнью, по настоящему нѣть; но на масляной мы оба бывали въ домѣ Серафини, гдѣ танцуютъ, и выходя оттуда онъ иногда заведетъ меня ужинать. Одинъ годъ, правда, я бралъ ложу вмѣстѣ съ нимъ и его товарищами въ Даль Верме, но потомъ знаете... у всякаго свои вкусы... это просто дрянной театришка. Достаточно сходить въ него раза четыре, какъ я, чтобы уѣздиться, какъ онъ мало приличенъ...

— Неужели?

— О, конечно. Читали вы статью въ *Фанфулло*? Тамъ описывалась публика въ театрѣ Мандзони и въ Даль Верме. Я вамъ принесу ее; я съ особеннымъ удовольствиемъ читалъ её... Послѣ четырехъ вечеровъ я абонировался въ театрѣ Мандзони, а въ ложѣ Даль Верме болѣе не показывался.

— Ну а Морандо находилъ удовольствіе въ этомъ театрѣ? спросила тетушка.

— Должно быть; онъ абонировался туда и на слѣдующій годъ.

— Такъ, но онъ страстно любить музыку, а въ Даль Верме, кажется, очень хорошая.

— О, да! Но знаете, милая синьора,—и Батьяни засмѣялся,

— мы, молодые люди, не всегда ходимъ въ театръ для представлениія!..

— Да, знаю, знаю!..

— А для зрительницъ и если хотите... для актрисъ...

— Ахъ, полноте! воскликнула тетушка Клотильда, снявъ очки и быстро вытирая ихъ своимъ носовымъ платкомъ. Морандо такой степенный молодой человѣкъ.

— Да кто же говорить нѣть? воскликнулъ Батьяни, смотря на синьору своими большими, блестящими странными огнемъ глазами, казавшимися черными въ этой полутьмѣ.

Синьора, весьма важно, опять надѣла очки и свертывая на спицы чулокъ, отвѣчала: Милый синьоръ Батьяни, сознаюсь вамъ, что мнѣ очень досадно...

— Немногого очерненъ и униженъ, подумалъ Паоло, но сказалъ улыбаясь: „О, неужели? Отчего же?“

— И вы у меня спрашиваете? отвѣчала тетушка.—Мы думали, что Камилль самый скромный молодой человѣкъ на свѣтѣ. Хорошъ скромникъ!..

— О, прошу васъ, не понимайте меня такъ. Конечно, Морандо не могъ же сказать вамъ: я ужиналъ столько-то разъ съ такими-то, я выпилъ столько-то стакановъ коньяку у Кампари, столько-то рюмокъ водки у Хачи. Въ такомъ-то собраніи я дѣлалъ то и то. Ха, ха! какъ вы думаете? И если я необдуманно сказалъ вамъ что нибудь, что вы не знали, то искренно сожалѣю. Не знаю, какъ это зашелъ разговоръ...

— Напротивъ, я очень довольна и благодарна вамъ. Есть вещи, которыхъ мнѣ необходимо знать для счастія моей племянницы.

— Ну вотъ, теперь понимаю? Вы изъ меня, пожалуй, сдѣлаете болтуна, сплетничающаго на своихъ друзей! Оставьте, милая синьора; напротивъ, обѣщайте мнѣ, что никому ничего не скажете. Есть вещи, которыхъ можно говорить по секрету, но при передачѣ они принимаютъ совсѣмъ иной характеръ. Въ концѣ концовъ Морандо, теперь конечно, степеннѣйший молодой человѣкъ въ Миланѣ и будетъ лучшій мужъ, какого только можно желать.

— Тѣмъ болѣе, что онъ кажется даже совсѣмъ разошелся съ этимъ Маффенсомъ, который былъ его погибелью.

— Кто? Маффенсъ.

— Маффенсъ, этотъ цыаница, который... но тутъ Батьяни остановился и обернулся.—Есть кто нибудь у двери? спросилъ онъ съ нѣкоторымъ беспокойствомъ.

Синьора Клотильда, которая видѣла плохо, нагнулась впередъ, посмотрѣть и сказала, что, кажется, никого.

Между тѣмъ дѣйствительно послышался легкій шорохъ у ставня снаружи. Это была синьора Анна, которая прислонилась къ нему, блѣдная и едва дыша. Но Батьяни не видѣлъ ея и продолжалъ разговоръ, впрочемъ такъ тихо, что синьора Анна могла только уловить нѣсколько словъ.

Небо опять стало ясно и прозрачно и кое-гдѣ заблистали звѣздочки. Внизу, въ глубинѣ сада раздавались веселые голоса дѣтей, лазившихъ по деревьямъ, развѣшивая разноцвѣтные фонарики для иллюминаціи и звонкій голосъ Паоло Батьяно кричалъ: „Выходите женихъ и невѣста! Да здравствуютъ женихъ съ невѣстой!“

И обрученные, тетушка, отецъ, прислуга всѣ высыпали въ садъ.

Только одна мать осталась искать чего-то въ гостиной. Руки ея судорожно дрожали и выраженіе глазъ совершенно измѣнилось.

* * *

На другое утро все семейство собралось на подъѣздѣ, готовясь отправиться на близкій холмикъ, гдѣ ихъ ожидалъ завтракъ.

Анна наблюдала за всѣми приготовленіями, но съ такимъ сосредоточеннымъ видомъ, что заставила Франко разсмѣяться.

— Мама, воскликнула онъ такъ отчаянно, что она даже вздрогнула,—все ли готово! Всѣ засмѣялись, но отецъ, который оставался дома, сказалъ ей тихо: Полно, Анна, не кручинься. Подбодрись, прими веселый видъ. Завтра отправляйся съ дѣтьми въ Миланъ и постараися разузнать правду; сегодня не думай объ этомъ.

Паоло Батьяни, въ это утро, надѣлъ изящный костюмъ, въ родѣ альпійскаго, съ неизбѣжнымъ альпенштокомъ разумѣется. Вѣдь предстояло взбираться на гору! Да кромѣ того къ нему очень шла его остроконечная шляпа! Тетушка Клотильда сказала ему объ этомъ, а Джина это подумала. Дѣйствительно Морандо терялъ передъ нимъ. У него не было такихъ прекрасныхъ черныхъ усовъ и блестящихъ глазъ, но во всей личности Камилла проглядывало столько энергіи, его некрасивое лицо носило такой отпечатокъ честности и ума, что ни одна девушка не поколебалась бы предпочесть его.

— Знаете что, тетушка Клотильда не идетъ съ нами,—воскликнулъ Франко.

— Какъ! Почему? Не можетъ быть! закричали всѣ.

— Нѣть, правда вѣдь?

— Да! отвѣчала она съ важностью.

— Почемъ? О, тетя, пойдемте, пойдемте!

— Ваше отсутствіе будетъ истинное огорченіе для насъ,—сказалъ Паоло.

Синьора Клотильда благодарила его, со своей любезнейшей улыбкой, но просила не настаивать—у нея было дѣло.

И она это сказала опять съ тою же таинственною важностью, которая сильно возбудила любопытство Франко.

— Тетя, твоему Франко ты скажешь, не правда-ли, что за дѣло у тебя? Ты знаешь, вѣдь я твой письмоводитель! И онъ взялъ ее подъ руку съ комичной любезностью.

— Пойди, пойди плутышка! отвѣчала она улыбаясь, но тотчасъ прибавила въ полъ-голоса:

— Я должна поговорить съ твоимъ отцемъ объ очень серьёзномъ предметѣ.

Брр... Какой гробовой голосъ! Франко отскочилъ назадъ и его любопытство улетучилось. Отъ серьёзныхъ предметовъ у него дѣлался ознобъ.

Наконецъ они отправились. Когда ушли, тетя сказала старуху, схвативъ его за руку такъ неожиданно, что онъ даже вздрогнулъ:

— Мне нужно съ тобою поговорить.

— О чёмъ это? спросилъ онъ съ удивленіемъ.

— Пойдемъ въ твой кабинетъ; вещь очень серьёзная, дѣло идетъ о твоей дочери. И она сдѣлала шагъ впередъ.

— А, объ Джинѣ? Тогда я знаю уже въ чёмъ дѣло.

— Какъ!

— Да, да; это пустяки, о которыхъ и говорить не стоитъ.

— Пустяки?

— Ну да.

— Такъ ты значить не знаешь! Вѣдь мнѣ это довѣрилъ Батьяни. Я ему обѣщала молчать, потому что онъ такой добрый, не хотѣлъ вредить своему другу, но...

— Но ты должна сдержать свое обѣщаніе, вотъ что ты должна сдѣлать, милая Клотильда, и сказать Батьяни, чтобы онъ занимался своими дѣлами.

— Луціано! не понимаю! Но Батьяни...

— Батьяни самый милый молодой человѣкъ, по подъ видомъ милыхъ разсказовъ онъ злословить обо всѣхъ на свѣтѣ. Ты не замѣтила? Видишь ли, онъ обладаетъ особыннымъ даромъ злословія.

— Да нѣтъ же, Луціано.

— Можетъ быть я ошибаюсь, сестрица, но во всякомъ случаѣ, я думаю, Камилль лучше бы сдѣлалъ, если бы не представлялъ его намъ.

— Да что ты такое говоришь! Такой добрый! такой предупредительный! воскликнула синьора Клотильда, широко раскрывъ глаза. И она продолжала свои возгласы удивленія и неудовольствія.

(До слѣд. №).

Бальбекъ.

(Рис. на стр. 136 и 137).

„Однокія развалины, святыя гробницы, молчаливя стѣны! Къ вамъ взываю, къ вамъ обращаю мои взоры!“ Съ такимъ возвзваніемъ обратился Вольней къ великолѣпнѣйшимъ въ мірѣ развалинамъ, находящимся въ долинѣ Ливана и Анти-Ливана.

Происхожденіе Бальбека теряется во мракѣ времени и исторія его очень мало извѣстна. Есть основаніе предполагать, что Геліополисъ, какъ называли его греки, былъ извѣстенъ въ древности своими храмами, посвященными Солнцу и Венерѣ; тутъ поклонялись Аstartѣ, какъ и въ другихъ финикійскихъ храмахъ, очень многочисленныхъ въ этой части Сиріи и расположенныхъ по главнымъ дорогамъ, сообщающимъ Алеппо, Пальмиру и Багдадъ съ Дамаскомъ съ одной стороны и берегомъ Средиземного моря съ другой. Его коммерческое значеніе всегда было значительно. Построенный, какъ и Цальмира, въ пустынѣ, онъ былъ складочнымъ городомъ, обширнымъ каравансараемъ для торговцевъ, транзитнымъ пунктомъ для товаровъ восточной Азіи и Сиріи. Медали, вычеканенные во второмъ и третьемъ вѣкѣ, съ изображеніями храма, головы вола и съ выбитыми на нихъ именами нѣкоторыхъ императоровъ, между прочимъ Септима Севера, свидѣтельствуютъ, что уже въ это время Бальбекъ былъ римской колоніей. Извѣстно также, что позже Антоній Набожный воздвигнулъ тамъ огромный храмъ Юпитеру, считавшійся однимъ изъ чудесъ Востока и названный *Трилитонъ*, по тремъ громаднымъ камнямъ террасы, составляющимъ основаніе ея. Константинъ преобразовалъ одинъ изъ храмовъ въ базилику, а впослѣдствіи Теодоръ разрушилъ наибольшій храмъ. Виродженіи нѣсколькихъ лѣтъ Бальбекомъ мирно управляли епископы, но, послѣ взятія его сарацинами, онъ былъ разрушенъ Абу-Убейдомъ, во время его поспѣшнаго шествія изъ Дамаска въ Гомсъ. Тогда-то Арабы передѣлали акрополь, съ его священными зданіями, въ настоящую крѣпость, постройки которой, выведенныя поспѣшно, были причиной разрушенія замѣчательныхъ памятниковъ. Въ 1176 г. Крестоносцы, предводительствуемые прежде Раймундомъ, графомъ Трипольскимъ, а потомъ Бедуиномъ IV, хотя и блестяще сражались подъ стѣнами Бальбека, но принуждены были отступить по ту сторону Ливана. Городъ былъ взятъ впослѣдствіи Тамерланомъ. Затѣмъ дальнѣйшихъ свѣдѣній совершенно нѣтъ объ этомъ городѣ, котораго въ Европѣ никто не зналъ даже по имени, до половины шестнадцатаго столѣтія. Онъ былъ открытъ снова и его величественныя развалины обратили на него вниманіе ученаго міра. Бальбекъ много разъ претерпѣвалъ сильныя землетрясенія, происходившія часто въ этой части Сиріи, и эти почвенныя волненія, еще болѣе чѣмъ людскія, покрыли руинами его священный акрополь.

Название свое Бальбекъ получилъ отъ имени „Ваала“, могощественного бога Финикиянъ. „Бальбекъ“ означаетъ „храмъ Ваала“ (бекъ, баки—домъ, храмъ). Этотъ городъ былъ древней колоніей, которую Финикияне построили на главномъ пути долины Евфрата. Арабское преданіе гласитъ, что основателемъ Бальбека былъ Соломонъ. Неизвѣстно, насколько справедливо это предположеніе, но вѣрно то, что материаляы, употребленные для стѣнъ акрополя, по колоссальной величинѣ своей напоминаютъ тѣ камни, которые находять въ фундаментѣ развалинъ древнихъ стѣнъ Іерусалима.

Самыя замѣчательныя развалины Бальбека находятся на возвышенной, искусственно возвѣденной террасѣ, напоминающей афинскій акрополь. Стѣны изъ громадныхъ камней, самыхъ величайшихъ, какіе когда либо были сдвинуты людьми, поддерживаютъ эту террасу и остатки храмовъ. На сѣверной

сторонѣ находятся много камней, имѣющихъ девять метровъ длины, но которые все же кажутся малыми, въ сравненіи съ камнями восточныхъ стѣнъ. Тамъ три гигантскихъ монолита, покоящіеся на рядѣ камней, средней величины, имѣютъ они отъ девятнадцати до двадцати метровъ длины, четыре метра высоты и столько же ширины. Дѣйствительно невозможно понять какъ удалось доставить и поднять на такую высоту такія колоссальные глыбы, возлѣ которыхъ человѣкъ кажется муравьевъ. Въ другихъ мѣстахъ стѣны составлены изъ меньшихъ камней, но превосходно пригнанныхъ безъ цемента, съ простынками и рѣзьбою. На восточной сторонѣ, широкая лѣстница, отъ которой сохранились только остатки, украшенная нѣкогда профилями и статуями, вела прямо въ большой храмъ. Нынче нѣсколько брешей позволяютъ проникнуть въ акрополь, куда можно вѣхать верхомъ, также черезъ прекрасное подземелье романской конструкціи. Величественный высокій сводъ, превосходно сложенный изъ матерьяла, который повидимому былъ взятъ изъ памятниковъ другаго вѣка. И дѣйствительно нѣкоторые изъ камней разрознены, другие же украшены рѣзною работою. Этотъ туннель, сильно наклоненный, сообщается налево съ большими четыреугольными заломъ и съ другимъ каменнымъ подземельемъ. Влѣзи черезъ оконечко, можно увидѣть комнату съ нишами, убранными со вкусомъ. Изысканія въ этой части акрополя, безъ сомнѣнія, дадутъ блестящіе результаты. Здѣсь уже найдена прекрасная статуя женщины, но къ сожалѣнію безъ головы; одежда ея сдѣлана мастерски. Эта большая сидящая статуя, возлѣ которой находится фантастическое животное, очень можетъ быть статуей Юліи Домны, жены Антонина Набожнаго. Всѣ эти подземныя залы повидимому долгое время служили конюшнями для лошадей военныхъ гарнизоновъ.

Большая часть стѣны была разрушена Арабами и Турками, накладывавшими камни одинъ на другой для возведенія высокихъ стѣнъ и амбразуръ. Брешь, пробитая на востокѣ укрепленія, ведетъ въ передний дворъ, оканчивающійся первымъ портикомъ большаго храма, паперть которого находится на шесть метровъ надъ садами, окружающими акрополь. Здѣсь именно поднималась та монументальная лѣстница, отъ которой виднѣются только остатки и которая была разрушена для укладки вышеизложенныхъ грубыхъ стѣнъ. Этотъ четыреугольный продолговатый портикъ былъ украшенъ двѣнадцатью колоннами, фундаменты которыхъ покрыты надписями, указывающими на то, что этотъ монументъ былъ воздвигнутъ Антониномъ Набожнымъ и Юліей Домной, его женою.

Широкій проломъ, вѣроятно находящійся на мѣстѣ бывшаго портика, ведетъ къ развалинамъ большаго храма. Онъ состоятъ изъ болѣе или менѣе разрушенныхъ фундаментовъ, но шесть большихъ колоннъ галерей уцѣлѣли еще и видны на далекомъ разстояніи съ горъ Ливана. Построенныя изъ прекраснаго золотисто-желтаго камня, колонны эти при закатѣ солнца принимаютъ такую великолѣпную прозрачную окраску, какую трудно описать. Вышина въ девятнадцать метровъ, онѣ соединены основаніями и закончены коринфскими съ богатой рѣзьбой капителями; въ попеченикѣ колонны имѣютъ два метра и составлены изъ трехъ большихъ кусковъ, соединенныхъ скобами, запаянными свинцомъ. Этотъ металль нѣсколько лѣтъ тому назадъ и былъ именно причиной разрушенія большей части изъ нихъ, еще существовавшихъ въ прошломъ вѣкѣ. Турукъ, Тадмуръ-Паша, устроилъ у ихъ основанія мину съ пѣлью разрушить ихъ и воспользоваться нѣсколькими фунтами свинца. Устоявшія колонны носятъ глубокія слѣды ранъ; онѣ стойко выдержали сотрясеніе отъ пороха, но не долго будуть въ со-

стояній бороться съ болѣе страшнымъ врагомъ, съ западнымъ вѣтромъ, насыщеннымъ испареніями Средиземного моря и Ливана. Сырость быстро съѣдаетъ извѣстъ колоннъ и чудныя фрески, украшающія ихъ, и скоро наступить время полного ихъ

разрушенія. Храмъ, длиною въ 89 метровъ, имѣлъ девятнадцать такихъ колоннъ на длинныхъ сторонахъ и десять на короткихъ. Въ 1751 ихъ еще было девять, совершенно хорошо сохранившихся.

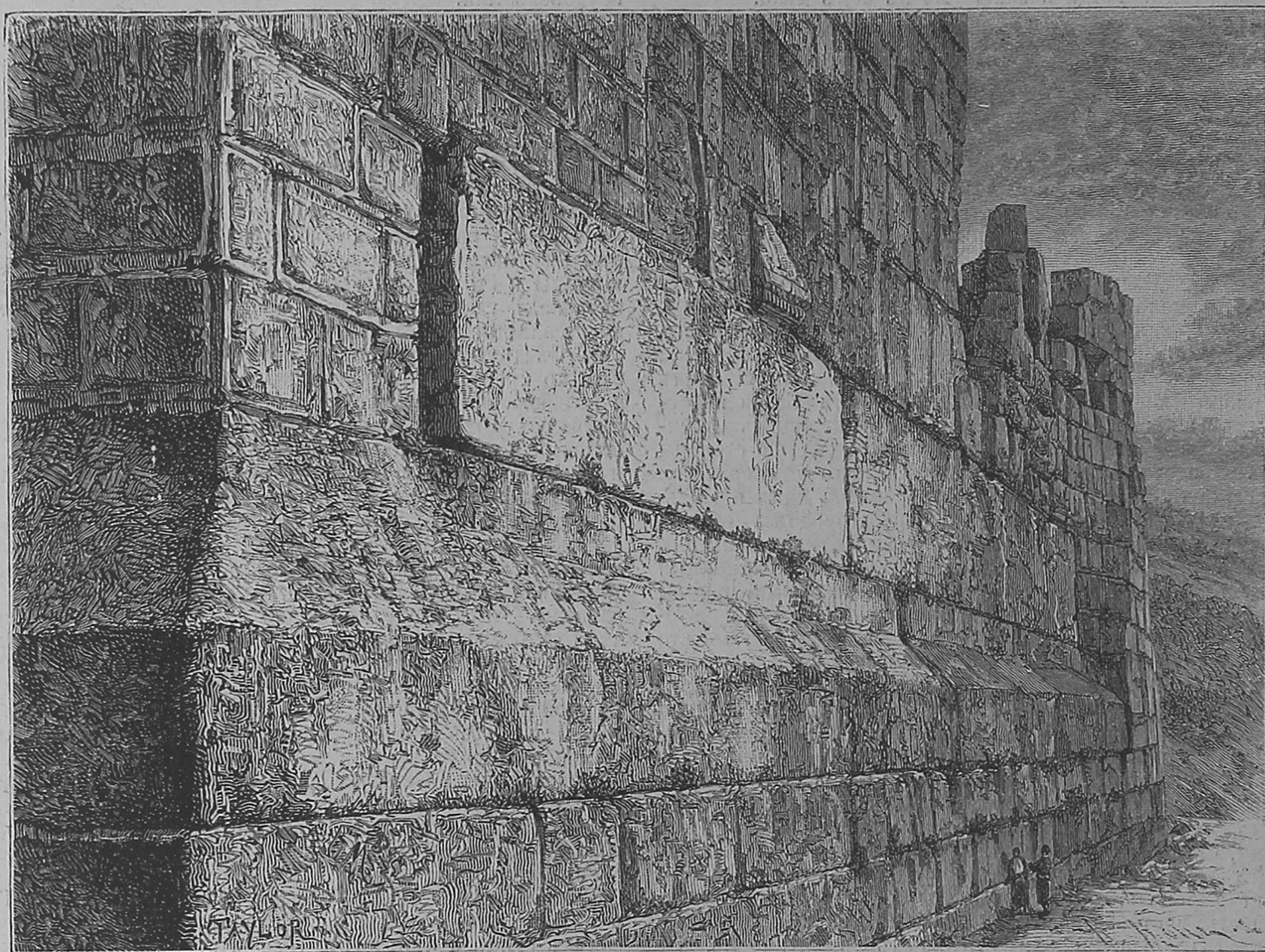
Къ рисункамъ.

По порошѣ за краснымъ.

(Рис. на стр. 124).

Одинъ изъ наиболѣе талантливыхъ и извѣстныхъ представителей того жанра, который, несомнѣнно, первымъ создалъ Н. Е. Сверчковъ, такимъ представителемъ является П. П. Соколовъ. Его „Охотничіи сцены“, „Тройки“ и проч. достаточно популярны и получили у насъ широкое распространеніе, чтобы остановить на нихъ серьезное вниманіе. Настоящая картина несомнѣнно очень удачна. Съ первой порошкой охотникамъ не утерпѣть и они быстро снаряжаются въ путь, сѣдлаютъ коней, собаки въ нетерпѣніи лаютъ и все это пускается въ поле

царя Скилура, современника Босфорскаго царя Митридата Евпатора и потому называвшагося у Грековъ Палакіономъ—название перешедшее потомъ, будто бы, въ слово Балаклава. Другое впрочемъ производятъ название города гораздо проще отъ татарского слова—„балыкъ“—т. е. рыба. Отъ Тавро-Скиевъ Балаклава перешла сначала въ руки Грековъ; потомъ Готовъ; затѣмъ занята и выужена татарами, а отъ нихъ досталась Генуэзцамъ, которые, занявъ ее, стали называть Чембало, устроивъ здѣсь главный пунктъ своихъ рыбныхъ промысловъ. Въ 1433 году Балаклаву ненадолго снова захватили Греки, но Генуэзы въ слѣдующемъ году отправили сюда на 20 судахъ до 6000 войска и взяли Балаклаву приступомъ. Туркамъ доста-

Развалины циклопической постройки въ Балаклавѣ Рис. Тайльоръ, грав. Колъ.

за краснымъ зѣремъ, т. е. пушнымъ—лисой, волкомъ. Стерегутся по глубокимъ логамъ, оврагамъ и перелѣскамъ хищники. Травленый волкъ издали чуетъ и понимаетъ что значитъ этотъ топотъ коней, тявканье своръ и, въ испугѣ, выгляднувъ на охотниковъ изъ-за куста, тянется черезъ снѣжную равнину подальше въ синѣю щій лѣсъ, гдѣ укроется въ глухомъ логѣ и притулится тамъ, а хитрый лисъ, таща скраденную на селѣ курицу, крадучись, несется опушкой въ свою темную, глубокую нору...

Видъ близъ Балаклавы въ Крыму.

(Рис. на стр. 125).

Балаклава нынѣ маленький заштатный городокъ, имѣющій не болѣе тысячи жителей, при первомъ же на него взгляде поражаетъ путешественника мизерностью своего настоящаго и грандиозными памятниками своего прошлаго. Кругомъ надъ городомъ и бухтой возвышаются красноватые, мраморные утесы, а надъ ними въ вышинѣ видны силуэты древнихъ крѣпостныхъ стѣнъ и башень, построенныхъ Генуэзцами. Но несомнѣнно, что мѣстность, занимаемая Балаклавой, получила историческую извѣстность въ эпоху еще гораздо раннюю, чѣмъ владычество въ Крыму итальянскихъ выходцевъ. По археологическимъ даннымъ оказывается, что въ древности, балаклавская бухта называлась „символенъ-лиманъ“ или гавань знаковъ, и что здѣсь построено было укрѣпленіе Палакамъ, сыномъ тавроскиескаго

ласса Балаклава въ 1475 году, а въ эпоху присоединенія Крыма къ Россіи здѣсь стояла запустѣлая татарская деревушка, давно оставленная жителями. Тогда же, по волѣ князя Шотемкина, здѣсь поселены были Греки. Они носили название „Таврическаго поселенного полка“ и на ихъ обязанности лежала сторожевая береговая служба отъ Севастополя до Феодосіи, такъ какъ берега на этомъ пространствѣ представляли большія удобства для укрывательства непріятельскихъ судовъ. Въ послѣдствіи эта греческая команда получила название „Греческаго баталіона“, расформированного уже послѣ Крымской войны. При занятіи въ 1854 году Балаклавы союзными войсками, Греческій баталіонъ, при всей мизерности своихъ силъ, противился высадкѣ; непріятельскій авангардъ совершенно неожиданно былъ встрѣченъ сильнымъ ружейнымъ огнемъ греческихъ стрѣлковъ и залпами мортирной батареи и потерялъ при высадкѣ до сотни убитыми и столько же ранеными. Занятая союзниками Балаклава подверглась раззоренію и во все время компаніи служила складочнымъ мѣстомъ для англійской и сардинской арміи. Кромѣ того въ Балаклавской бухтѣ помѣщался во время войны весь англійскій флотъ, что даетъ достаточное понятіе о вмѣстительности и удобствахъ этой прекрасной бухты. На нашемъ рисункѣ изображенъ видъ изъ окрестностей этого городка, отличающейся самою своеобразною красотою.

Колонны развалинъ большаго храма въ Бальбекѣ. Рис. Барклай, грав. Коль.

Картина Густава Доре.

(Рис. на стр. 129).

Выше, въ этомъ же номерѣ, читатели найдутъ портретъ и биографію недавно скончавшагося знаменитаго иллюстратора Густава Доре. Здѣсь мы помѣщаемъ одинъ изъ его великолѣпныхъ, эффектныхъ рисунковъ, какъ образецъ его таланта. Картина эта взята изъ издания „Потерянный Рай“, поэмы Джона Мильтона. Въ картинѣ столько стремительности, столько силы и движенія въ этомъ низвергающемся водопадѣ, что дивишься—какъ можно достигнуть такихъ результатовъ съ помощью лишь карандаша.

Картина относится къ IX пѣснѣ поэмы, пѣснѣ, которая начинается сожалѣніемъ о прежнемъ времени, когда еще Небо не было столь оскорблено человѣкомъ, ввергнувшимся въ міръ грѣха, смерти, болѣзни и горя.

Сатана, изгнанный изъ Рая угрозами Архангела Гавриила, носится надъ землею во мракѣ Ночи. Онъ находитъ какъ войти въ Эдемъ со стороны противоположной вратамъ, охраняемымъ свѣтлой стражей. „Онъ пришелъ къ мѣсту, где Тигръ, у подножія Эдема, ввергался въ пучину и исчезалъ подъ землею, пока часть его вода не подымалась въ видѣ бьющаго вверхъ ключа, близъ Древа Жизни. Сатана низвергается вмѣстѣ съ водопадомъ Тигра и вмѣстѣ съ рѣкой выступаетъ на скалѣ Эдема, окутанный вечернимъ туманомъ.“ (Пѣснь IX, стр. 169). Этотъ моментъ его выхода и изображенъ съ такою силою и искусствомъ знаменитымъ художникомъ.

Демьянова уха. Басня Крылова.

(Силуэты на стр. 133).

Кто не знаетъ наизусть этой басни нашего дѣдушки-Крылова? Кто не училъ ее въ дѣствѣ и не вспоминаль всегда и потомъ съ удовольствіемъ, какъ образцовое произведеніе нашей литературы, гдѣ самая простая фабула разсказана такъ изящно и остроумно и проникнута такимъ неподдѣльнымъ народнымъ духомъ. Нашъ талантливый художникъ въ своихъ силузатахъ изобразилъ три главные момента басни. Въ верхней части рисунка, среди орнаментовъ чисто русскаго характера и принадлежностей домашняго хозяйства, вы видите Демьяна, усердно угощающаго ухой своего друга и сосѣда Фоку:

„Сосѣдушка мой свѣтъ!
Пожалуйста покушай.“

упрашиваетъ онъ его, поднося ему тарелку за тарелкой. Напрасно сосѣдъ говорить, что онъ сѣѣтъ уже ихъ три, но Демьянъ не унимается и все потчуетъ ухой, выхваляя ея высокія качества.

— „Я три тарелки сѣѣлъ“. И полно что за счеты!
Лишь стало бы охоты,—
А то во здравье щѣть до дна!
Что за уха! Да какъ жирна!
Какъ будто янтаремъ подернута она.
Потѣшь же миленъкій дружочекъ!

Вотъ лещикъ, потроха, вотъ стерляди кусочки!
Еще хоть ложечку! Да кланяйся жена!“

Эти низкіе поклоны, жесты, эти краснорѣчивыя убѣжденія Демьяна вы видите во очію, на второмъ силуэтѣ; даже котъ и тутъ ласкается къ сосѣду, какъ бы умоляя его еще скупить тарелочку. Но Фока потерялъ наконецъ терпѣніе; обливаясь потомъ, онъ сначала поддался на просьбу хозяина, собрался съ силами, очистилъ еще тарелку, но за нею ему подставляютъ ужъ другую; возобновляются просьбы мужа и поклоны жены, такъ что не привидится и конца угощенію.

„Туть бѣдный Фока мой,
Какъ ни любилъ уху, но отъ бѣды такой,
Схватя въ охапку
Кушакъ да шапку,
Скорѣй безъ памяти домой,
И съ той поры къ Демьяну ни ногой.“

Это порывистое, неожиданное бѣгство Фоки и суета не оживавшихъ такого финала хозяевъ, очень живо изображены на третьемъ силуэтѣ, красиво заканчивающемъ рисунокъ художника.

По сохранившимъ свѣдѣніямъ басня „Демьянова уха“ была написана Крыловымъ съ цѣлью колынуть не въ бровь, а прямо въ глазъ наши тогдашнія литературные собранія. Вотъ какъ рассказываютъ объ ея происхожденіи. Разъ, въ 1813 году, въ Бесѣдѣ Русскаго слова, бывшей въ домѣ Державина, приготовлялись къ публичному чтенію. Крыловъ также обѣщалъ привезти новую басню, такъ какъ басни его были тогда необходимы и лакомыи блюдомъ всякаго литературнаго угощенія; но какъ-то случилось, что Иванъ Андреичъ пріѣхалъ уже довольно поздно, когда уже давно началось чтеніе какой-то длинной и довольно скучной піесы. Предсѣдатель отдѣленія А. О. Хвостовъ, замѣтивъ приходъ Крылова, тотчасъ же обратился къ нему съ вопросомъ: Иванъ Андреичъ, что привезли?—Привезъ.—Пожалуйте мнѣ.—А вотъ ужо, послѣ. Между тѣмъ монотонное чтеніе все продолжалось; публика утомилась, начала скучать и зѣвота овладѣла многими, и всѣ были рады когда піеса была дочитана. Тогда Крыловъ вынулъ изъ кармана клочекъ бумаги и началъ читать свою „Демьянову уху“. По словамъ современниковъ, басня произвела невообразимый восторгъ, тѣмъ болѣе что ея содержаніе удивительно приоравливалось къ обстоятельствамъ и каждому было понятно на кого мѣтить авторъ. Публика отъ души хотела и хлопала безъ конца. Что Иванъ Андреевичъ дѣйствительно намекалъ въ своей баснѣ на нѣкоторыхъ литераторовъ своего времени, то это доказываетъ и нравоученіе басни, гдѣ ясно выражается мысль и цѣль нашего баснописца.

„Писатель, счастливъ ты, коль даръ прямой имѣешь;
Но если помолчать во время не умѣешь,
И ближняго ушѣй ты не жалѣешь,
То вѣдай, что твои и проза и стихи
Тошище будутъ всѣмъ Демьяновой ухи.“

Дородность.

Отрывокъ.

Какъ часто слышится желаніе однихъ—потолстѣть, другихъ—сдѣлаться нѣсколько худѣе, избавившись отъ частички слишкомъ уже обильнаго жира. Иногда эти сѣтованія имѣютъ свои основанія. Дѣйствительно, необходимость носить въ себѣ слишкомъ много жира соединена съ большими невыгодами и неудобствами. Для всякаго очевидно, что для перенесенія трехсотъ фунтовъ мяса съ одного мѣста на другое или для поднятія его на высоту лѣстницы, требуется вдвое больше труда, нежели для ста-пятидесяти фунтовъ. И такъ въ первомъ случаѣ приходится дѣлать больше упражненій; мускулы должны быть оттого крѣпче... но, къ несчастью, они бывають обыкновенно слабѣе. Весь этотъ вѣсъ держится на той-же парѣ ногъ, часто страдающихъ отъ слишкомъ большаго напряженія или сгибающихся подъ лежащей надъ ними тяжестью. Большое скопленіе жира въ туловищѣ препятствуетъ дыханію и дѣлаетъ движеніе почти невозможнымъ. И вотъ, по тѣмъ или другимъ причинамъ, толстые представители человѣческаго рода обыкновенно томительно желаютъ избавиться отъ излишка жира. Въ свѣтскихъ-же женщинахъ подобное желаніе бываетъ еще сильнѣе и томительнѣе, такъ какъ слишкомъ большая толщина портитъ фигуру.

По отношенію къ домашнимъ животнымъ, намъ прекрасно известно, что дѣлаетъ ихъ жирными или худыми. Каждый землемѣтъ знаетъ, чѣмъ и какъ можно откормить скотъ, и гладкій конь служитъ показателемъ щедрости своего хозяина. Исключая немногихъ нездоровыихъ особей, всѣ животныя, по общему правилу, жирѣютъ на хорошей и обильной пищѣ, особенно гуляя на волѣ, и скоро теряютъ нажитое мясо при перемѣнѣ пищи на дурную или при уменьшениі ея количества.

Но по отношенію къ людямъ, это правило столь-же часто

оказывается невѣрнымъ, сколько и оправдывается. Многіе отличающіеся худобою суть въ тоже время большиe любители поѣсть и вдобавокъ бывають иногда чрезвычайно лѣнивы. Тутъ присутствуютъ, повидимому, всѣ условія, благопріятствующія ожирѣнію, и, однако, послѣдняго не происходитъ вовсе. Другое, наоборотъ, достигаютъ весьма почтенныихъ размѣровъ на весьма скучной пищѣ. И вотъ, довольно часто приходится видѣть двухъ индивидуумовъ, положимъ, мужа и жену, двухъ братьевъ, или двухъ сестеръ, живущихъ вмѣстѣ, питающихся одной и той-же пищей, потребляющихъ одни и тѣ же напитки, производящихъ, кажется, одинаковое количество движеній и, тѣмъ не менѣе, вѣсящихъ нерѣдко одинъ вдвое больше другаго. Единственное объясненіе, являющееся при этомъ, если оба индивидуума здоровы,—то, что одинъ предрасположенъ къ ожирѣнію, другой—нѣтъ. Само собою разумѣется, что естественное расположение, дѣйствительно, и имѣть вліяніе въ такихъ случаяхъ; тоска такъ же какъ и трудъ, работа, уничтожаетъ тѣлесныя частички и человѣкъ спокойно взирающій на міръ толстѣеть на весьма ограниченной діѣтѣ.

По мнѣнію Иннермана, причинами предрасполагающими къ дородности, могутъ быть слѣдующія: 1) наследственность, хотя она можетъ и не обнаружиться до средняго возраста жизни; 2) періодъ жизни—трудная дѣти и люди старше сорока лѣтъ наиболѣе склонны къ ожирѣнію; 3) полъ—именно, женщины болѣе предрасположены къ толщинѣ, нежели мужчины; 4) физиологическая качества—полнокровные люди скорѣе подвергаются ожирѣнію, нежели малокровные, хотя существуетъ одинъ годъ малокровія, также благопріятствующій толщинѣ; 5) характеръ; 6) половыя неправильности—извѣстно, что бараны, быки и калпуны, такъ-же какъ и евнухи, отличаются обыкновенно ожирѣніемъ. Но хотя всѣ названныя причины, незави-

сящія отъ воли индивидуума, благопріятствуютъ дородности, однако, они не ведутъ къ ней необходимо.

Что большое число дородныхъ людей желаютъ избавиться хотя отъ части своего жирного тѣлеснаго багажа, видно изъ широкаго распространенія въ Америкѣ одного „анти-жира“ (anti-fat), несмотря на его вредное дѣйствіе, причинявшее—это фактъ—смерть. Осталось недоказаннымъ, пріобрѣла ли жертва достаточную худобу, принявъ восемнадцать склянокъ этого снаряда, но можно, кажется, утверждать, что нѣтъ; ибо „анти-жиръ“ не есть то, чѣмъ выставляется, несмотря на свои опасные свойства, и нѣкоторые авторитетные люди говорятъ даже, что главная составная часть его есть *fucus vesiculosus*, родъ водоросли, употребляемый въ иныхъ мѣстахъ для откармливанія свиней. Если-же „анти-жиръ“, дѣйствительно, обладаетъ тѣмъ свойствомъ, ради котораго къ нему прибѣгаютъ,—что весьма сомнительно,—то этимъ онъ обязанъ юду, содержащемуся въ немъ.

Большинство людей, жалующихся на обиліе жира въ своемъ организме, старается избавиться отъ него лишь двумя простыми средствами,—они меньше ъдѣять и больше дѣлаютъ движеній. Но это требуетъ отъ нихъ слишкомъ ужъ большой жертвы, и чаще всего они уподобляются желающимъ сдѣлаться богатыми или учеными, не употребивъ усилий, необходимыхъ для достижения подобной цѣли.

Въ древней Греціи пользовались гимнастическими упражненіями иногда специально противъ ожирѣнія, которое не только непріятно поражало высоко-развитое эстетическое чувство богато-одаренного народа, но разматривалось имъ еще какъ помѣха для тѣлеснаго совершенствованія.

Всякому, конечно, хорошо известно, что рабочіе и лошади рѣдко бываютъ жирными, а люди дѣятельные и подвижные избѣгаютъ ожирѣнія. Но не только спокойная жизнь благопріятствуетъ дородности,—и дородность благопріятствуетъ устроенію невозмутимой растительной жизни, такъ какъ толстый человѣкъ не можетъ производить много движеній.

Прежде нежели опредѣлить діэту, способную устранить дородность, посмотримъ, откуда получается человѣческий жиръ. Възрѣнія химиковъ-физиологовъ успѣли претерпѣть большія измѣненія со временемъ Либиха, который рассматривалъ углеводы (сахаръ и крахмаль), какъ жирообразователей. Именно, согласно послѣднимъ изслѣдованіямъ въ этой области, только большая часть жироваго запаса въ организме представляетъ собою, вѣроятно, продуктъ разложенія альбумина принимаемой пищи, остальная же получается путемъ прямаго отложения жира въ ткани изъ пищи содержащей его. Такимъ образомъ, величина этого запаса прежде всего опредѣляется количествомъ принятой пищи, изъ которой жиръ только и образуется. Разумѣется, вовсе не слѣдуетъ изъ нашего первого положенія, что если бы человѣкъ сталъ питаться исключительно альбуминомъ, то скоро растолстѣлъ-бы, ибо большая часть поглощаемаго альбумина шла-бы на поддержаніе жизни и лишь излишекъ его отлагался бы въ организме въ видѣ жира; но если мучная пища и сахаръ потребляются вмѣстѣ съ альбуминомъ, то первая предохраняетъ послѣдній отъ органическаго перегоранія и такимъ образомъ благопріятствуетъ образованію жира, хотя у насъ и не имѣется доказательствъ того, что два первыхъ названныхъ пищевыхъ средства превращаются сами въ жиръ. И вотъ, именно это предохраняющее вліяніе углеводовъ принадлежало прежними химиками за жирообразованіе.

И количество и качество пищи должны быть одинаково принимаемы во вниманіе при леченіи отъ излишняго ожирѣнія. Воздержаніе отъ пищи, граничащее съ голоданіемъ, можетъ, конечно, повести къ уменьшенію толщины, но никогда, однако, не слѣдуетъ прибѣгать къ этому средству, такъ какъ оно создаетъ слабость всѣхъ органовъ и вообще можетъ привести къ весьма плачевнымъ послѣдствіямъ. Съ другой-же стороны, количество потребляемой пищи должно быть возможно незначительно и строго сообразовано лишь съ требованіями здоровья

и естественнаго аппетита. Что-же касается рода пищи, то вотъ что должно быть принимаемо въ возможно малыхъ количествахъ: хлѣбъ, молоко, яица, картофель, морковь, рисъ, гречка, сладкіе супы, сахаръ, баранина въ какомъ-бы то ни было видѣ, бифтекъ, саладъ съ масломъ, десертныя блюда, студень. Почти совершенно нужно избѣгать: масла, сливокъ, жировъ, соусовъ, свинины, сладкаго печенья, пирожного, мороженаго, каштановъ и другихъ орѣховъ. Изъ напитковъ чай и кофе должны быть потребляемы съ малымъ количествомъ или, еще лучше, совсѣмъ безъ молока и сахара, и совершенно избѣгаемы—шоколадъ и какао. Пиво и прочіе напитки съ большимъ содержаніемъ спирта должны быть совершенно изгнаны изъ употребленія, но позволительны кислые вина, смѣшанныя съ водою.

Въ Америкѣ, нѣкто Вильямъ Бантингъ впродолженіи года строго слѣдовалъ діэтѣ, предписанной врачами, и уменьшилъ свой вѣсъ съ 202 фунтовъ до 156-ти, то есть, на 46 фунтовъ. И нѣтъ сомнѣнія, что слѣдуетъ указаннымъ выше предписаніямъ, всегда можно добиться желаемаго результата, хотя не въ одинаковыхъ степеняхъ, но различныхъ для всякаго данного случая. Нужно, слѣдовательно, только положить извѣстные предѣлы аппетиту, избѣгать нѣкоторыхъ пищевыхъ средствъ и напитковъ и производить правильныя движения.

Съ пользой употребляются иногда воды извѣстныхъ минеральныхъ источниковъ, особенно имѣющія слабительное дѣйствіе. При этомъ предпочтительнее пользованіе ими въ мѣстахъ нахожденія самихъ источниковъ. Рекомендуются также воды, содержащія въ себѣ юодистыя соли; однако, дѣйствительность этихъ средствъ подвергается сомнѣнію.

Другое средство, кажущееся *наименѣе разумнымъ* сравнительно съ вышеупомянутыми, рекомендуются лондонскими журналами. Оно состоитъ въ примѣненіи внѣшняго давленія, при которомъ размѣры тѣла постепенно уменьшаются до извѣстной нормы. И въ то время какъ нѣкоторые корреспонденты свидѣтельствуютъ на страницахъ этихъ журналовъ объ успѣхѣ примѣненія этого средства, не приводится ни одного противоположнаго случая. Такъ нѣкто, безуспѣшно испытавъ средства, употребленныя Бантингомъ, достигъ желаемаго результата при помощи сильнаго стягиванія. Другой джентельменъ передаетъ, что путемъ употребленія обыкновенного женскаго корсета онъ уменьшилъ окружность своего туловища на 8 дюймовъ (съ 42 до 34), при одновременномъ улучшении тѣлеснаго здоровья... Конечно, довольно вѣроятно, что сильное стягиваніе можетъ имѣть хорошее дѣйствіе относительно неумѣренныхъ чревоугодниковъ, содѣйствуя худобѣ и даже (какъ утверждаютъ нѣкоторые) излечивая ожирѣніе, но трудно повѣрить, чтобы оно могло оказаться полезнымъ въ какихъ-либо еще другихъ отношеніяхъ. Но вотъ замѣчательный фактъ: мужчины первые открыли въ корсетѣ свойство, якобы уменьшающее дородность, тогда какъ женскій полъ, болѣе опытный въ ношении корсета, вовсе не имѣетъ о немъ такого мнѣнія. Вообще, не подвергая недовѣрію столь многочисленныя свидѣтельства, мы не можемъ признать за стягиваніемъ дѣйствія уменьшающаго дородность уже по одному тому, что многія толстыя женщины вовсе не худѣютъ, несмотря на крѣпкое стягиваніе въ корсетъ своихъ жирныхъ формъ. Развѣ въ примѣненіи къ мужчинамъ онъ получаетъ иное желаемое дѣйствіе, въ виду того, что при непривычкѣ къ нему они начинаютъ на первое время менѣе ъдѣять и пить, а временное уменьшеніе тѣлесныхъ размѣровъ располагаетъ ихъ къ большему движенію.

Въ случаяхъ анемической дородности, когда количество красныхъ кровяныхъ шариковъ оказывается недостаточнымъ для окисленія элементовъ пищи, не имѣть мѣста ни одно изъ вышеупомянутыхъ средствъ, но должно стараться обѣ улучшеннія общаго состоянія здоровья, путемъ принятія укрѣпляющихъ желѣзистыхъ веществъ. Вѣроятно, что въ подобныхъ случаяхъ можно съ пользой подвергаться усиленному атмосферическому давленію. Полезны, разумѣется, и упражненія въ собственномъ смыслѣ слова. Впрочемъ, въ подобныхъ случаяхъ необходимо прибѣгать къ медицинской помощи.

ПОЛИТИЧЕСКОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Г. Гирсъ и иностранные толки. — Австро-Венгрия. — Турція. — Германія. — Франція.

Мы уже передавали кое что изъ тѣхъ толковъ, которые пускались въ ходъ за границей во время поѣздки нашего министра иностранныхъ дѣлъ; теперь, по тому же поводу, „Journal de St.-Petersbourg“ помѣстилъ у себя слѣдующую замѣтку: „Г. Министръ иностранныхъ дѣлъ не успѣлъ возвратиться въ Петербургъ, какъ лондонскія газеты поспѣшили уже заявить, будто бы имъ извѣстно существование циркуляра, адресованного г. Гирсомъ къ представителямъ Россіи, съ цѣлью сообщить имъ результатъ обмѣна взглядовъ, состоявшагося между министромъ и его нѣмеckими, итальянскими и австрійскими товарищами. Истина заключается въ томъ, что упомянутый циркуляръ вовсе не существуетъ“. Замѣтимъ тутъ кстати, что въ Вѣнѣ г. Гирсъ удостоился и со стороны Императора и со стороны членовъ его семьи чрезвычайно лестнаго приема.

Въ настоящую минуту австрійское правительство сильно занято вопросомъ о стратегическихъ желѣзныхъ дорогахъ: недав-

но происходило засѣданіе совѣта общеимперскихъ министровъ, на которомъ главнымъ предметомъ обсужденія служилъ вопросъ о сооруженіи стратегическихъ дорогъ въ Галиціи и Венгрии; затѣмъ, австро-венгерскій посланникъ при Портѣ, баронъ Калице, передалъ ей дружественную ноту о соединеніи турецкихъ дорогъ съ австрійскими; въ нотѣ этой указано, что условия, при которыхъ Порта, въ 1882 г., дала согласіе на постановленіе конференціи четырехъ государствъ (*conférence à quatre*) должны быть выполнены, такъ какъ баронъ Гиршъ официально заявилъ, что этимъ не будетъ нарушена конвенція, заключенная имъ съ Турцией въ 1872 г. Одновременная же постройка линіи Ямболи-Шумла является, очевидно, дѣломъ, касающимся Турціи и Болгаріи, и выборъ пункта соединенія у Салоникско-Митровицкой линіи принадлежитъ Портѣ, но только нужно, чтобы установлено было соединеніе съ Орханіемъ. Одновременно съ этимъ обсуждается и вопросъ о ландверѣ. Одно къ одному...

Что касается Турции, то она подымает несолько щекотливыхъ, отчасти „затяжавшихъ“ вопросовъ; объ этомъ мы читаемъ въ Циркуляре турецкаго министра иностранныхъ дѣлъ къ представителямъ Порты, аккредитованнымъ при иностранныхъ державахъ. Циркуляръ начинаетъ съ „Болгарской дани“. „Результатъ предшествующихъ сообщений по моему вѣдомству,— сказано тамъ—вынуждаетъ меня возвратиться еще разъ къ вопросу о дани Болгарии. Цифра этой дани, которая должна была быть установлена на основаніи постановленій Берлинскаго договора, все еще не опредѣлена. Тоже самое слѣдуетъ сказать и про назначеніе той части турецкаго государственного долга, которая должна быть отнесена на долю Сербіи, Черногоріи и Греціи, равно какъ и про участіе, которое послѣдняя держава должна принимать въ уплатѣ означенного долга на основаніи конвенціи 24-го мая 1881 г.“ Министръ настаиваетъ на разрѣшеніи этихъ вопросовъ. „Такъ какъ Порта добросовѣтно исполнила всѣ возложенные на нее Берлинскимъ трактатомъ обязательства, то она имѣетъ право надѣяться на то, что и другія договаривающіяся стороны поступятъ точно также. Было бы, очевидно, несправедливо еще далѣе откладывать разрѣшеніе упомянутыхъ вопросовъ“. Затѣмъ турецкій министръ поручаетъ посланникамъ настаивать на томъ, чтобы какъ можно скорѣе состоялось соглашеніе какъ относительно опредѣленія цифры болгарской дани, такъ и той доли турецкаго государственного долга, которая должна быть отнесена на счетъ этого княжества, а также Сербіи, Черногоріи и Греціи.

Турція вообще снова недовольна многимъ изъ того, что происходит въ Европѣ. Между прочимъ, она сильно возражаетъ противъ допущенія Болгаріи къ участію въ сѣмѣшанной комиссии для надзора за частію Дуная выше Браилова, до Желѣзныхъ Воротъ. Можетъ быть, достопочтенныи пашамъ придется на мысль потребовать, чтобы Болгарію какъ нибудь совсѣмъ отгородили отъ великой рѣки, напримѣръ, чѣмъ нибудь въ родѣ Китайской стѣны, выстроенной англо-австрійскими инженерами. Впрочемъ, съ англичанами у турокъ все еще не ладно: турецкій агентъ въ Каирѣ, Кадри-бей жалуется Портѣ оттуда, что Англія добивается въ Египтѣ еще болѣе исключительного вліянія, нежели то можно видѣть изъ новѣйшей ноты лорда Гренвиля. Вмѣстѣ съ тѣмъ султанъ очень противится такой организаціи Египетской арміи, при которой высшее въ ней командованіе принадлежитъ англичанамъ. Замѣтимъ здѣсь, что Англія, съ своей стороны, показываетъ желаніе не дразнить гусей: она, по слухамъ, намѣрена предложить европейскимъ

державамъ подписать какой-то платонический актъ о признаніи верховныхъ правъ султана надъ Египтомъ. Пожалуй, Абд-уль-Гамиду придется, противъ воли, проглотить эту позолоченную пилюю. Изъ Дамаска сообщаютъ странный слухъ о томъ, что французский консулъ, проходя мимо дворца губернатора, отдалъ приказаніе кавасу ударить часового, не отдавшаго ему честь (хороши республиканцы!); присутствовавшіе при этомъ солдаты бросились на консула и отколотили бы его, еслибы не вмѣшался одинъ турецкій офицеръ; губернаторъ Дамаска потребовалъ отзванія консула. Арабы не унимаются съ своей непріязнью къ туркамъ: вагабиты въ Аравіи дѣлаютъ большія военные приготовленія и собираются въ Аденѣ значительные запасы оружія; въ Меккѣ предполагаютъ, что это ничто иное, какъ признаки замышляемаго противъ турокъ похода, съ цѣлью изгнанія ихъ съ полуострова.

Князь Бисмаркъ страдаетъ воспаленіемъ венъ ноги и ему предписано спокойствіе, вслѣдствіе чего онъ не посѣщаетъ засѣданіе рейхстага; по этому поводу канцлеръ недавно выразился: „дѣло идетъ и безъ меня, Имперская машина работаетъ пре-восходно и нужно только избѣгать въ рейхстагѣ всего, что можетъ создавать беспокойство.“

Французская палата заканчиваетъ свой походъ противъ принцевъ; на дняхъ отклонивъ, большинствомъ 352 голосовъ противъ 172, проектъ Флокке относительно немедленной высылки всѣхъ принцевъ, палата затѣмъ приняла правительственный проектъ въ слѣдующей редакціи: 1) члены царствовавшихъ во Франціи домовъ не могутъ служить ни по выборамъ, ни въ гражданской или въ военной службѣ, 2) президентъ республики, отдавшимъ въ совѣтъ министровъ декретомъ, можетъ предписывать означеннымъ лицамъ немедленно выѣхать изъ Франціи, если присутствіе ихъ было бы признано угрожающимъ безопасности государства 3) всяко изъ означенныхъ лицъ, которое, будучи препровождено заграницу, возвратилось бы безъ разрѣшенія во Францію, будетъ привлечено къ суду исправительной полиціи и приговорено къ тюремному заключенію на срокъ отъ одного года до 3-хъ лѣтъ. Новый кабинетъ—въ комическомъ положеніи: до сихъ поръ не находить возможности добыть себѣ двухъ цѣлыхъ министровъ—иностранныхъ дѣлъ и морскаго; военный найденъ—это генералъ Тибоденъ, котораго нѣмцы упрекаютъ въ томъ, что, попавъ въ 1870 году въ плѣнъ и давъ слово не воевать, бѣжалъ и снова выступилъ противъ нихъ. Республиканцы опровергаютъ это, утверждая, что Тибоденъ поступилъ какъ честный воинъ.

Библіографія.

Стихотворенія К. К. Случевскаго т. III Спб. 1883 г. Вышло новое и какъ и прежніе томы, роскошное изданіе стиховъ нашего талантливаго поэта; въ этомъ томѣ заключаются поэмы и хроники. Наши читатели знакомы уже съ достоинствами таланта г. Случевскаго по его прекрасной драматической поэмѣ „землетрясеніе“, помѣщенной въ „Нивѣ“ прошлаго года и разнымъ стихотвореніямъ. Теперь въ изданіи поэма эта значительно дополнена прекрасными и звучными строфами. Очень хороши многія и изъ отдѣльныхъ мелкихъ стихотвореній этого великоклѣнаго тома.

Русскій орнаментъ въ старинныхъ образцахъ. Н. Симакова. СПБ. 1883. Изд. Общ. Поощренія Художествъ. Московская Выставка наглядно показала какое движение впередъ сдѣлала русская промышленность и какая потребность появилась въ предметахъ чисто-русскаго стиля и производства, а слѣдовательно и въ материалахъ для изученія русскаго стиля и русскаго искусства вообще. Специальныхъ изданій по этому предмету не много и всѣ они имѣютъ въ виду специальныя цѣли, и не могутъ имѣть прямаго примѣненія къ промышленности. Между тѣмъ, уже съ XVI вѣка, русское искусство имѣло самобытный стиль какъ въ шитьѣ, такъ и въ другихъ предметахъ художественно-промышленного производства. Г. Симаковъ, уже известный по нѣсколькимъ изданіямъ, какъ искусственный и добросовѣтный воспроизводитель въ рисункахъ именно этихъ необходимыхъ материаловъ для изученія искусства, и на этотъ разъ принялъ трудъ въ высшей степени полезный и превосходно ис-

полненный, а Общество Поощренія Художествъ издало этотъ трудъ съ тою роскошью и изяществомъ, которымъ вообще отличаются его изданія. Теперь для лицъ, интересующихся этими вещами, имѣется превосходный трудъ г. Симакова, представляющій образцы, которые, по оригинальности и красотѣ, а также и по мастерству исполненія, не могутъ не обратить на себя вниманія лицъ, интересующихся вопросами развитія нашего національнаго искусства.

Изографъ, журналъ Иконографіи, изд. Красницкимъ. 1883. Спб. I, II и III выпуски. Замѣчательное въ нынѣшнемъ году изобиліе возникающихъ художественныхъ изданій, указываетъ какъ бы на сильную потребность къ разсмотрѣнію вопросовъ искусства, возникшую въ обществѣ. Но эти изданія часто бываютъ лишь плодами предпримчивости ихъ издателя и кончаются неудачей.

„Изографомъ“ въ старину назывался мастеръ церковной живописи, посвятившій себя изображенію святыхъ, но исключительно по образцамъ древне-византійскимъ. Поддержаніе преданій настоящей русской иконописной школы составляетъ цѣль нового изданія, которую нельзя весьма не одобрить, въ виду угаранія типа стариннаго иконописанія, которое такъ цѣнится нашимъ народомъ. Въ первыхъ трехъ выпускахъ помѣщены свѣдѣнія объ наиболѣе прославленныхъ историческихъ иконахъ и статьи по иконописанію, съ приложеніемъ весьма старательно исполненныхъ красками копій.

СМѢСЬ.

О Гамбеттѣ. Дома, въ кругу хорошихъ друзей, за столомъ, Гамбетта былъ пріятнымъ собесѣдникомъ, остроумнымъ и веселымъ. Онъ охотно рассказывалъ тогда пережитое, свои разочарованія и свои надежды.

Вольнодумецъ, помимо своей воли онъ вѣрилъ въ два или три предсказанія, которыхъ отчасти сбылись.

За нѣсколько лѣтъ до своей смерти, послѣ обѣда у знакомыхъ, хозяйка дома предложила погадать гостямъ на картахъ. Всѣ согласились и въ продолженіи получаса шло веселое гаданіе, наполнившее залу смѣхомъ. Когда-же пришла очередь Гамбетты, хозяйка дома сдѣлалась серьезной и сказала: „удивительно, всякий разъ, что я на васъ загадаю, карты предсказываютъ вамъ опасность. Сегодня они говорятъ тоже самое.“

— Быть можетъ они говорятъ правду, отвѣтилъ Гамбетта весело. Знаете-ли какъ мнѣ предсказали о моей смерти?

— Нѣтъ.

— Я буду убить женщиной.

— Женщиной? И вы этому вѣрите?

— И да и пѣтъ.

— Навѣрно вы этому вѣрите. Вы должно быть суевѣрны, какъ всѣ итальянцы. Расскажите намъ обѣ этомъ.

— О! эта цѣлая исторія. Я долженъ прежде всего сказать вамъ, что мать моя сообщила мнѣ, что въ то время когда она носила меня подъ сердцемъ, ей случилось спрашивать лунатичку, которая сказала ей, что у нея родится мальчикъ и этотъ мальчикъ достигнетъ въ своемъ отечествѣ высокаго положенія.

— Это поразительно, замѣтилъ кто-то изъ присутствовавшихъ.

— Не думайте, что я сочиняю, заговорилъ снова Гамбетта. Во всякомъ случаѣ, мать моя такъ увѣровала въ предсказаніе, что въ то время какъ отецъ мой только думалъ о томъ какъ сдѣлать изъ меня торговца, она мнѣ дала гораздо лучшее образованіе, чѣмъ то, которое получила моя сестра, съ тою именно цѣлью, чтобы, въ случаѣ надобности, я былъ подготовленъ ко всякому положенію.

— И вы не любопытствовали повидаться потому съ этой лунатичкой?

— Нѣть; но въ послѣдніе годы имперіи я видѣлъ здѣсь въ Парижѣ другую и, не открываясь ей, просилъ предсказать мнѣ будущее.

— Что-же она вамъ сказала?

— Что я два раза буду находиться во главѣ правленія.

— Разъ это и было въ 1870 г., и все говорить за то, что это случится и во второй разъ.

— Но такъ какъ часть предсказанія оправдалась, то я спрашивала себя, не будетъ ли тоже самое и съ остальнымъ. Она мнѣ сказала, что я буду убить женщиной.

Нужно прибавить, что все разсказанное не есть вымыселъ и что можно указать домъ, гдѣ Гамбетта сдѣлалъ это странное сообщеніе при свидѣтеляхъ. Казалось съ тѣхъ поръ онъ забылъ мрачное предсказаніе лунатички; непредвидѣнныій случай снова напомнилъ ему объ этомъ.

Въ прошломъ году, во время освященія статуи Дюпонна де Л'Эръ въ Нейбургѣ, рушился помостъ въ то время, когда Гамбетта только что началъ на немъ свою рѣчь. Гамбетта не былъ при этомъ даже раненъ, но онъ не могъ воздержаться, чтобы не замѣтить стоявшему возлѣ него, одному изъ присутствовавшихъ на прежнемъ обѣдѣ:

— Должно-ли это служить предзнаменованіемъ конца?

Легко можно понять, что преслѣдуемый, противъ воли, воспоминаніемъ о предсказаніи, Гамбетта долженъ быть сильно взволнованъ получивъ нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ рану, виновница которой, несмотря на его отрицаніе и на увѣренія его друзей, оказывается женщина.

Быть можетъ основаніе къ тайнѣ, которую Гамбетта сохранялъ нѣсколько дней послѣ происшествія въ Виль д'Аврѣ, кроется въ желаніи его забыть предсказаніе.

Кромѣ докторовъ въ Виль д'Аврѣ никто изъ посѣтителей не допускался. Исключеніе было сдѣлано только для г. Этьенна, преданного друга бывшаго президента совѣта.

Въ одинъ изъ послѣднихъ разгѣворовъ съ г. Этьенномъ, Гамбетта спросилъ:

— Черезъ сколько дней кончится этотъ 1882 годъ?

— Черезъ пять дней.

— Ну, тогда черезъ шесть дней, я уже буду на ногахъ. Этотъ ужасный годъ принесъ мнѣ несчастіе, я страстно желаю скорѣе его окончить.

Шелковая матерія воздушного корабля „Россія“. Въ № 22 „Нивы“ за 1882 годъ было помѣщено описание строющагося нынѣ воздушного корабля „Россія“ и самый его рисунокъ. Въ этомъ описаніи, между прочимъ, упоминалось, что строитель корабля, капитанъ Костовичъ, поставилъ себѣ условіемъ—преимущественно употреблять матеріаль русскаго происхожденія и производства.

Само собою разумѣется, что, для образцовъ матеріаловъ, могутъ удовлетворить условіямъ строителя, были назначены самыя строгія техническія испытанія.

Напримеръ, относительно шелковой матеріи нельзя не замѣтить, что испытанія эти были сопряжены со многими затрудненіями не только для строителя, но и для фабрикъ, — въ виду того, что одна только пробная заготовка обращиковъ на различныхъ фабрикахъ требовала всюду постановки новыхъ станковъ. Обыкновенные ткацкіе станки не могли, по конструкціи своей, удовлетворять условіямъ, требуемымъ при производствѣ матеріи, которая-бы, при своей относительной дешевизнѣ, заключала въ себѣ три необходимыя достоинства: легкость, плотность и крѣпость. Матеріаль, какъ для основы, такъ и для утока, долженъ быть одинаково состоять изъ наиболѣе высокаго сорта шелка, какой только существуетъ.

Въ настоящее время мы получили свѣдѣнія, что, послѣ долгихъ испытаній обращиковъ шелковыхъ матерій, какъ заграничныхъ, такъ и нашихъ русскихъ,—московская фабрика шелковыхъ издѣлій фирмы „Алексѣй Шелаевъ съ сыновьями“ представила матеріаль для воздушного корабля „Россія“, вполнѣ соотвѣтствующій тѣмъ условіямъ, которыхъ были предложены строителемъ.

Послѣднія испытанія шелковой матеріи, фабрикованной по системѣ Костовича фирмой Шелаевыхъ, дали результаты столь успешные, какихъ не могъ достигнуть даже Жиффаръ, который для своего „Ballon captif“ долженъ быть употреблять сложную оболочку, составленную изъ семи слоевъ матеріаловъ весьма обыденнаго производства.

Квадратный метръ непропитанной матеріи Костовича выдержалъ давление въ 1,061 килограммъ *). Имѣя въ виду, что самый сильный (летучій) ураганъ производить давление въ 277 и 87 сотыхъ килограммъ на квадратный метръ, — очевидно, что *одинъ* только слой матеріи воздушного корабля „Россія“ выдерживаетъ 3,8 разъ большее давление, чѣмъ „летучій“ ураганъ произвести въ силахъ. Принимая же во вниманіе конусное образованіе концовъ воздушного корабля, слѣдуетъ и эту цифру (3,8) увеличить вдвое, такъ какъ, относительно корабельной поверхности, даже при встрѣчномъ „летучемъ“ ураганѣ, направление движенія воздуха будетъ совершаться подъ угломъ въ 30° къ передней поверхности корабля, а синусъ 30° равенъ $\frac{1}{2}$. Итакъ, вообще, поверхность *одного* слоя воздушного корабля „Россія“ въ состояніи выдержать въ $(3,8 \times 2)$ семь и шесть десятыхъ разъ *большій* ураганъ, *неожиданно существующий въ мірѣ*.

Нельзя не замѣтить, при этомъ, что въ нашихъ широтахъ вовсе не бываетъ летучихъ урагановъ, которые, въ видѣ рѣдкихъ исключений, встречаются въ мѣстностяхъ, гораздо болѣе южныхъ. Въ Германіи же, средняя цифра десятилѣтнихъ наблюдений дала $244\frac{1}{2}$ дней въ году вѣтеръ со скоростью 2-хъ метровъ въ секунду, производящій ничтожное давление въ 0,54 кило на кв. метръ, и 82 дня —полного безвѣтра, 38 дней свѣжаго вѣтра и всего $\frac{1}{2}$ дня простой бури, дающей всего 54,16 кило на метръ, при скорости 20 метровъ въ секунду. Что же касается нашихъ континентальныхъ мѣстностей, то условия эти еще болѣе благопріятны для воздухоплаванія. Не лишнимъ считаемъ прибавить нѣсколько словъ о фабрикѣ Шелаевыхъ, гдѣ выдѣлана эта шелковая матерія. Фабрика находится въ г. Богословѣ, Московской губерніи, существуетъ болѣе 30 лѣтъ, удостоена наградъ на многихъ выставкахъ, въ томъ числѣ на Парижской и на послѣдней Московской.

Достоинство исполненной матеріи вполнѣ оправдало выборъ капитана Костовича. Выборъ этотъ оказался вполнѣ удачнымъ и въ отношеніи цѣны матеріи, вообще не дорогой, относительно своего высокаго качества. При этомъ еще слѣдуетъ принять во вниманіе, что, несмотря на множество обыкновенныхъ станковъ, на шелковой фабрикѣ, представителямъ фирмы пришлось пріобрѣсти 48 новыхъ станковъ, съ особыми регуляторами, специально для точной выдѣлки, по заказу Костовича, шелковой матеріи для воздушного корабля „Россія“. Экстренное изготовление за границей этихъ регуляторовъ, доставка ихъ и вся постановка новыхъ станковъ заняла сама по себѣ мѣсяцъ времени, тогда какъ, по условію, требовалось черезъ шесть недѣль уже сдать первую партию.

Несмотря на такія серьезныя затрудненія, всѣ партіи шелковой матеріи были представлены въ свое время и даже нѣсколько лучше той выдѣлки, которая требовалась условіемъ.

Важное историческое открытие, касающееся древнѣйшихъ преданій римской исторіи. Найдены стѣны маленькаго города Антѣмна, который былъ разрушенъ Ромуломъ спустя нѣсколько лѣтъ послѣ основанія Рима. Антѣмна была расположена на возвышенности, поднимавшейся при слияніи Арно съ Тибромъ.

Болѣзнь кофе. Кофе грозитъ такая-же опасность, какъ картофель и винограду. На плантацияхъ кофе появляется своеобразный грибокъ, который, поселившись на одномъ листѣ, съ неимовѣрно быстротою распространяется по всему растенію и уничтожаетъ его. Грибокъ этотъ произвелъ большія опустошенія въ гористыхъ частяхъ Цейлона и Явы и на островахъ Фиджи. На этихъ послѣднихъ пришло на помощь мѣстное правительство; оно скупило многія заряженныя плантациіи, выжгло растенія и такимъ образомъ прекратило зло.

Обычаи въ Юнанѣ. Вотъ любопытныя подробности о нѣкоторыхъ обычаяхъ жителей Юнана, находящихся въ части Китая, расположенной между Кантономъ и Бано. Этотъ первобытный народъ обладаетъ болѣе своеобразнымъ лицомъ, чѣмъ лица китайцевъ, и отличается гостепріимствомъ. Женщины не уродуютъ своихъ ногъ и носятъ живописный костюмъ, напоминающій костюмъ итальянокъ. Свадьбы происходятъ тамъ слѣдующимъ образомъ. Въ

*.) Пропитываніе матеріи по способу Костовича увеличиваетъ ея крѣпость и сопротивленіе къ разрыву въ значительной степени.

Продолжается подписка на „НИВУ“ 1883 г.

Каждый новый подписчикъ получаетъ всѣ уже вышедши въ 1883 г.
№№ „НИВЫ“ со всѣми приложеніями.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА „НИВЫ“ ОЗНАЧЕНА НА 1-Й СТРАНИЦѢ.

день Нового года все неженатые мужчины становятся по одну сторону пропасти а девушки по другую. Каждая из девушки бросает через пропасть мячик и тот, кто его поймает, становится мужем. Уверяют, что девушки умеют так ловко бросать мяч, что тот, кого они предпочитают всегда в состоянии словить его.

Найдка гробницы возле Рима. Невдалек от Porta Torgese владелец виноградника при обработке его патнулся на скелет. При дальнейших раскопках оказалось, что из него вынесено все дорогое, даже вынута мозаика пола, но после тщательного исследования были найдены четыре мраморные саркофаги, совершенно уцелевшие. Головные уборы на рельефных фигурах саркофагов указывают, что эти последние принадлежат к половине третьего столетия. Трупы были положены в известье; вероятно покойники умерли от оспы.

Спекулирующие женщины. Последняя масляная горячка в Америке заразила также и женщин. В Титусвиле на галереях масляной биржи появляется много женщин со своими записными книжками. В один из дней их насчитано было 65, подававших постоянно вниз замечки и листочки своим маклерам. Между ними были молодые девушки изящно одетые, карандасы которых были в бриллиантовой оправе, бедные работницы, пожилые дамы, жены маклеров, исполнявшие часто должность советчицы. Уже давно женщины спекулируют в Америке маслом, но в последнее время страсть эта особенно усилилась. И нередко женщины эти рискуют многим. В один из дней дамская галерея в Титусвиле закупила 250,000 бочек масла. Женщина одного маклера посчастливилось более всех: она заработала в этот день 6,000 долларов. Две деревенские девушки заработали 1,000 долларов; прочие женщины получили барыша от 1,400 до 1,000 дол., а некоторые — от 500 до 100. Конечно были также и потери; одна дама потеряла 800 долларов.

Но не только взрослые, спекулируют и дети. Два уличных мальчика заработали 1,000 долларов.

Скульптор Геффс. Бельгийские газеты сообщают о смерти известного скульптора Геффса; он был одним из старейших и лучших представителей своего искусства в Бельгии и создал много монументальных произведений, главными из которых являются: великолепный памятник в честь лиц, павших в Брюсселе в 1830 г. на площади „Des martyrs“, гробница павшего в то же время графа Мерода в брюссельском соборе, памятник композитора Гретри в Люттихе, памятник Рубенса в Антверпене (1838 г.), памятник анатому Везалию в Брюсселе, статуя короля Леопольда I-го в Брюсселе (1851 года) и многие другие статуи и бюсты. Его памятник павшим в Брюсселе и статуя Рубенса принадлежат к лучшим произведениям современного искусства.

Телефон на востоке. Одна из американских телефонных компаний задумала привести в известность развитие этого дела на всем земном шаре. Главный начальник бирмингемских телефонов Дефорест, осмотрев телефоны Франции, Англии и Италии, отправился через Каир в Индию. Здесь большую часть абонентов составляют европейцы, к которым в последнее время примкнуло и несколько богатых туземцев. В Хонг-Конге и Кантоне телефоном до сих пор пользуются одни европейцы. В Шанхае строительные работы начались в марте 1882 г. и производятся китайцами; линии и станции, с аппаратурой Блэк-Белла, устроены, как и в Петербурге, одним из отделений „Telephone Bell Company“. Число абонентов достигло уже 50; в эту цифру входят шесть китайских обществ и торговых домов. Население Шанхая состоит из 20,000 европейцев и 140,000 туземцев. В Йокогаме и в Иеддо телефон служит как европейцам, так и японцам. Местная аристократия относится очень сочувственно к этому нововведению; кроме линий, идущих от главной станции, здесь устроено немалое количество и частных, находящихся в постоянном действии. Наконец, на Сандвичевых островах, преимущественно в Гонолулу, насчитывается уже 175 абонентов.

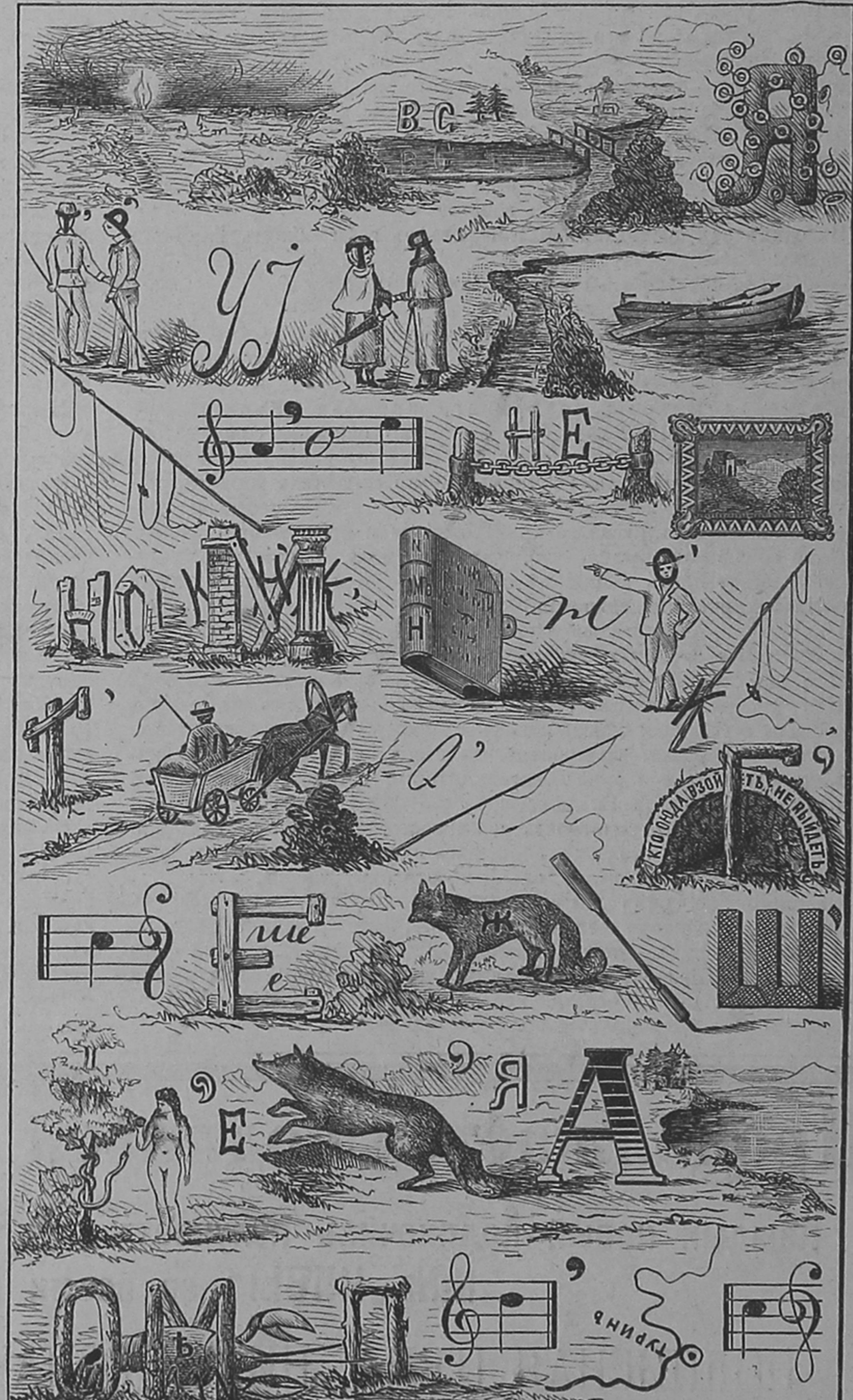
Основание новой столицы. Штаты аргентинской республики, столицей которых был до сих пор, как известно, Буэнос-Айрес, пришли к заключению, что последний, вследствие постоянно возрастающего населения в нем и ежедневно увеличивающегося богатства, не может более служить местопребыванием союзного правительства, и решились основать новую столицу, которая не будет принадлежать ни одному из союзных штатов и составить, подобно Вашингтону, самостоятельную территорию. К постройке нового города, который будет называться Лаплато и находиться в нескольких миллиах к югу от Буэнос-Айреса, будет приступлено немедленно. На постройку города и необходимых правительственных зданий, в том числе и на парламент, аргентинский сенат ассигновал сто миллионов франков. Город будет состоять из одних параллелограммов и будет иметь также несколько общественных парков.

Центральное санитарное бюро в Австрии. Происходило в зале городского совета, под председательством профессора Бильрота, общее собрание австрийского общества „попечения о народном здравии“, на котором д-р Эдуард Шифф прошел свой доклад об учреждении в Австрии центрального санитарного бюро, встреченный присутствующими с большим сочувствием. Докладчик нарисовал интересную картину послужившего ему образцом берлинского института и указал на та изменения, которые необходимо в нем сдѣлать, для применения его в Австрии и во избежание ошибок, сделанных при учреждении германского имперского санитарного бюро. Важность и необходимость учреждения такого центрального бюро признаны были всеми присутствовавшими. Согласно предложению Шиффа, в палату депутатов будет представлена петиция о скорейшем внесении правительству относящегося к сейму предмету закона-проекта.

Данные о состоянии бывшей Императрицы Евгении. Вдова Наполеона III имела пять домов в Париже, стоимость в 3,500,000 фр., которые заложены в кредитном обществе за 2,800,000; имение Жушор, стоимое 500,000 фр.; имение Сольферино (1,500,000 фр.), которое заложено за 1,000,000 фр.; имение Арности в Ширенеях (120,000 фр.) и имение в Биаррице (1,000,000 фр.); дворец в Марселе (1,658,000 фр.), дом там же и дачу в Виши. Кроме того, у нее 75,000 фр. ежегодного дохода от различных фондов.

Слепые стенографы. По известиям германских газет, директор берлинского института слепых, проф. Арнольд, с успехом обучает своих питомцев стенографии; таким образом, эти несчастные приобретают новое средство существования. Быть может и другие институты слепых обратят внимание на систему Арнольда.

РЕБУСЬ. Задача № 8.

Алгебраическая задача № 9.

Фамилия одного знаменитого дипломата состоит изъ 8 буквъ; если же эти буквы замѣнить числами, соотвѣтствующими мѣстамъ, занимаемымъ этими буквами въ алфавитѣ русской азбуки, то получатся слѣдующія соотношенія между ними:

1) Разность кубовъ первого и втораго чиселъ равна числу дней въ 9-ти недѣляхъ.

2) Треть разности между первымъ числомъ, возвышеннымъ въ шестую степень, и вторымъ числомъ въ той же степени равна разности между числомъ, означающимъ годъ Куликовской битвы и половиной числа дней въ мѣсяцѣ.

3) Четвертая часть суммы кубовъ первого и втораго чиселъ равна числу дней въ одной недѣльѣ.

4) Разность между третьимъ и послѣднимъ числами равна числу мѣсяцевъ въ году.

5) Разность между первымъ числомъ, возвышеннымъ въ шестую степень, и вторымъ числомъ, возвышеннымъ въ ту же самую степень, равна произведению изъ числа недѣль въ году на число дней въ двухъ недѣляхъ.

! ВАЖНОЕ ВСЯКОМУ РУССКОМУ ПРОИЗВОДИТЕЛЮ!

Получая постоянныя требования на русское сырье отъ моихъ заграничныхъ отдѣлений, покупаю и принимаю на комиссію на самыхъ выгодныхъ условіяхъ

РУССКОЕ СЫРЬЕ ПАРТИЯМИ

Именно: масло свѣжее и соленое, сало свиное, воловое и баранье, свѣжее и топленое, щетину, мѣдь, конскія гривы и хвости, бараны кишки, клей и жиръ рыбій, перья, пухъ и т. д. При предложеніяхъ слѣдуетъ препровождать образцы. Адресовать: Торговый Домъ Генриха Барыцкаго. Варшава. № 2350 12—10

НОВѢЙШЕЕ ПРЕВОСХОДНОЕ СРЕДСТВО „ЭЛЕОПАТЪ“.

По истинѣ безпристрастные и благодарственные отзывы и лестныя заявленія тѣхъ лицъ, которые употребляли „Элеопатъ“, даютъ намъ право по совѣсти рекомендовать этотъ бальзамъ „Элеопатъ“ противъ столь вредной для роста волосъ перхоти на головѣ, для укрѣпленія корней волосъ, увеличиванія густоты и останавливанія выпаденія волосъ.

Этотъ Шведскій бальзамъ признанъ безподобнымъ средствомъ и не можетъ быть ничѣмъ замѣнѣнъ.

Способъ употребленія „Элеопата“ приложенъ къ каждому флакону. Каждый флаконъ содержитъ 120 граммовъ и имѣеть въ самомъ стеклѣ вензель—надпись Кинунена, собственно для предупрежденія отъ поддѣлокъ.

Въ С.-Петербургѣ „Элеопатъ“ пров. Еинунена продается у Штолъ и Шмидта и въ Русск. Общ. Торговли Аптекарскими Товарами. Цѣна флакону 1 руб. 50 к.

Въ провинціи „Элеопатъ“ имѣется во всѣхъ городахъ къ услугамъ публики, въ лучшихъ аптекахъ и косметическихъ магазинахъ. Жители уѣздныхъ городовъ выписываютъ „Элеопатъ“ изъ ближайшихъ отъ нихъ губернск. городовъ, гдѣ только имѣется Аптекарскій магазинъ или Аптека.

6) Сумма первого, втораго и третьаго чиселъ равна разности между седьмымъ и четвертымъ числами.

7) Удвоенное произведеніе четвертаго на пятое число, сложенное съ удвоеннымъ первымъ числомъ, составляетъ число дней въ ноябрѣ.

8) Разность между седьмымъ и пятымъ числами равна третьему числу.

О ПЕРЕМѢНѢ АДРЕСА.

Контора журнала „Нива“ просить своихъ гг. иногородныхъ подписчиковъ при перемѣнѣ адреса изъ одного города въ другой, присыпать прежній печатный адресъ и прилагать 28 коп. почтовыми марками на типографскіе расходы.

СОДЕРЖАНИЕ: Густавъ Доре (съ портр.)—Подъ колесомъ. Повѣсть Н. Д. Аксаркова. (Продолженіе).—Другъ Камилла. Рассказъ Альбины.—Баальбекъ (съ рис.).—По порошку на красномъ (съ рис.).—Видъ близъ Балаклавы въ Крыму (съ рис.).—Картина Густава Доре (съ рис.).—Демьянова уха. Басня Крылова (съ рис.).—Дородность. Очеркъ.—Библиографія.—Политич. обозрѣніе.—Смѣсь.—Ребусъ.—Алгебраическая задача.—О подпискѣ на „Ниву“.—Объявленія.—При этомъ № прилагаются „ПАРИЖСКІЯ МОДЫ“ за ФЕВРАЛЬ 1882 г. съ 17 рисунками и отдельнымъ листомъ съ 26 выкройками въ натуральную величину и 26 рисунками рукодѣльныхъ работъ въ русскомъ стилѣ.

Редакторъ Ф. Бергъ.

Издатель А. Ф. Марксъ.

Издание А. Ф. Маркса. СПБ. Б. Морская д. № 9.

СЕРГѢЙ ГОРБАТОВЪ.

Историческій романъ конца XVIII вѣка, въ 2-хъ частяхъ, Всеволода Соловьевъ. Большой томъ in 8—всего 672 стр., печатанъ на лучшей веленевої бумагѣ, съ виньеткой.

Романъ этотъ служитъ началомъ печатанія нынѣ въ „НИВѢ“ романа „Вольтеръянецъ“, цѣна 3 р., съ перес. 3 р. 50 к., въ красномъ оригинальномъ календаревомъ переплѣте 4 р., съ перес. 4 р. 50 к.

ЛЕЧЕБНИЦА для приходящихъ д-ра Волницкаго. Невскій, 98, противъ Николаевской. Ежедневно приемъ специалистами по всемъ болѣзнямъ. Кровати для женщинъ. Ночное дежурство. Телефонъ № 2412

РУКОВОДСТВО НЪ ГЕОЛОГІИ.

или древнія измѣненія земли и ея обитателей, по свидѣтельству геологическихъ памятниковъ, соч. Чарльза Лайэлля, съ 6-го изданія перв. Н. А. Головинскій. (Т. II подъ ред. В. О. Ковалевскаго). Съ 1500 рисунками. Цѣна за оба тома 6 р. (Т. II продаётся отдельно за 3 руб.)

Очерки жизни и нравовъ востока, Г. Ванбери. Спб. Ц. 1 р. 20 к. Краткая музыкальная грамматика, А. И. Рубца. Спб. 75 г. Ц. 1 р. 25 к. Путешествие по сѣверо-восточной Африкѣ, д-ра Брема. Спб. 69 и 73 гг. 2 т. Ц. 3 р. 50 к. Естественно-историческая хрестоматія. Сборн. лучшихъ статей по естествознанію, изъ соч. совр. авторовъ. Ц. 1 р. 50 к.

Сборникъ игръ и занятій для семьи и школы. Сост. В. Висковатовъ. Спб., съ 350 рисунками. Ц. 3 р.

Выписзывающіе вышеозначенныя книги отъ „Книжной торговли специальнѣ для иногородныхъ“ А. Я. Панафиадина, СПБургъ, Б. Итальянская, № 8-й, получаются за ПОЛЪЦНЫ и пользуются бесплатной пересылкой.

№ 2469

ВЪ КАМЫШАХЪ, повѣсть Н. Карапазина, второе изданіе, съ 39 рисунками автора, большой томъ in 8—всего 304 стр. Цѣна 2 р., съ перес. 2 р. 30 к. Подписчики „Нивы“ за перес. не платятъ.

ЖЕЛАЮЩИХЪ

купить, продать и золотить дома, имѣнія и аптеки, просить обращаться въ Москву, Арбатъ, Коловинскій пер., д. Волкова, кв. № 8, къ Леониду Александровичу ГОРЛЕНКО.

№ 2229 4—4.

у известныхъ книгопродавцевъ въ С.-Петербургѣ, Москвѣ, Одессѣ, Кіевѣ, Казани, продаются только что вышедшая книга, продолженіе юмористического романа „ХОЛОДЯКА“:

СУПРУЖЕСКІЯ ТАЙНЫ

Супружескія тайны 1 р.

Въ стихахъ, текстъ Маралы Іерихонскаго! съ 100 рисунками Буша. Содержаніе книги: Сладость брачныхъ узъ; супружескія забавы; счастливыя минуты новобрачного; терпініе супружеской жизни; недоразумѣніе; неблагосклонный приемъ послѣ кутежа; громъ и молія; страшный переходъ и счастливое заключеніе.

„Похождение холостяка“ и „Супружескія тайны“, цѣна 2 р. Складъ у Ю. Конденѣ, въ Москвѣ, д. Соловьевъ, рядомъ съ церковью Спиридонія.

Выписзывающіе изъ склада за пересылку ничего не платятъ.

Ц. № 2467 1—1

И. АНДОНЪВЪ И КО.

С.-Петербургъ, Невскій проспектъ, д. № 38.

ДЛЯ БАЛОВЪ И СВАДЕБЪ ПОЛУЧЕНЪ

огромный выборъ шелковыхъ матерій: оттоманъ, газъ помпадуръ, moscovite, cachemire egyptienne, gaze ottoman, pluſh faonnée, broché, escalier и другія

SORTIES DE BAL

самыхъ модныхъ матерій, отдѣленія перомъ, мурабу, кружевами, мѣхомъ и прочимъ.

Только что вышло изъ печати
УПРОЩЕННОЕ ИЗДАНИЕ

“РОССИЯ”,

А. Рубинштейна.

Цѣна 1 руб.

ПРЕЖДЕ ВЫШЕДШЕ:

Издание для ф. п. въ 2 руки (переложение автора). Ц. 1 р. 50 к.

Издание для ф. п. въ 4 руки (переложение О. Нейцель). Ц. 2 р. 50 к.

Издание для оркестра въ партитурѣ 3 р. 50 к.

Издание для оркестра въ голосахъ. Ц. 8 руб.

Москва, у П. Юргенсона, 10, Неглинный пр., уголъ Кузнецкаго моста.

С.-Петербургъ, у И. Юргенсона, Б. Морская, 9. П. № 2462

ВНОВЬ ОТКРЫТАЯ
ПАПИРОСНАЯ и СИГАРНАЯ ФАБРИКА

В. БУШЪ,
въ С.-Петербургъ,

фабрика: Лиговка, № 31, магазинъ: Вознесенский, № 14, покернѣше просить обратить вниманіе гг. куриящихъ на ее произведенія, ибо работавъ долгое время въ первыхъ заграничныхъ сигарныхъ фабрикахъ, надѣется вполнѣ удовлетворить самый требовательный вкусъ; сигары отличаются мягкимъ вкусомъ и хорошимъ ароматомъ. Можно получить во всѣхъ табачныхъ магазинахъ.
Р. № 2378 10—9

10%

ВОЗНАГРАЖДЕНИЯ

предлагаю лицамъ, имѣющимъ возможность по своему общественному положенію указать мнѣ владѣльцевъ, желающихъ продать нижепоменованные старинныя вещи, которыхъ я покупаю **ПО ВЫСОКОЙ ЦѢНѢ**: богатый сѣверскій и саксонскій фарфоръ, старинные бронзовыя часы, канделябры и группы, золотыя эмальированныя табакерки, старинныя вещи изъ золота и серебра прошедшихъ столѣтій, старинную мебель съ богатыми бронзовыми украсеніями и фарфоровыми инкрустациими, gobelены, вышитыя старинныя шелковыя материи, старинная кружева, фигуры и группы изъ дерева, слоновой кости и серебра и вообще всякихъ родъ старинныхъ вещей XVI, XVII и XVIII столѣтій, кроме мопетъ.

Указаніе адресовъ лицъ, имѣющихъ на продажу означенные предметы, могутъ быть сообщены мнѣ лично или письменно по адресу моему: въ Москву, г.-ну **ЛЮДОВИКУ БЕНЬ**, Петровка, домъ Шепского, противъ Петровской аптеки.

Вышеупомянутое вознагражденіе въ 10% мною выплачивается немедленно за каждую сдѣланную покупку чрезъ рекомендацию. Я. № 2270 9—8

“ВОСПИТАНИЕ ХАРАКТЕРА”.

№ 2454 Соч. Проф. Габриели. Ц. 90 к. 6—2

ВНОВЬ ОТКРЫТАЯ

ТРОИЦКАЯ ФАБРИКА КОНФЕКТЪ,

Троицкій переулокъ, д. № 38.

Карамель фруктовая, царская, ромовая, монпансье, чайное печенье отъ 20 коп. фунтъ, конфекты ежедневно свѣжіе отъ 50 к. Конфекты для баловъ по заказу. Р. № 2470

Только что вышло изъ печати:

ВИНОГРАДНАЯ ЛОЗА
(LA VIGNE).

БАЛЕТЪ

Антона Рубинштейна,
переложенный для фортепіано авторомъ.

Цѣна 6 руб.

Москва у П. Юргенсона.

10. Неглинный пр. (уголъ Кузнецкаго моста).

С.-Петербургъ у И. Юргенсона. Варшава у г. Зеппенальда.

Каталогъ изд. Юргенсона высылается безплатно.

П. № 2463 1—1

Дозволено цензурою. СПБ. 3 февраля 1883 г.

Вышло изъ печати и продаётся въ конторѣ журнала “Нива” въ С.-Петербургѣ, Б. Морская, № 9, въ Москвѣ—въ отдѣлѣніи “Нивы” у Н. Н. Чечковской, въ домѣ Петровскихъ линій, и у всѣхъ извѣстныхъ книгопродавцевъ:

О ДѢТЯХЪ

НЕ ДЛЯ ДѢТЕЙ.

Шесть рассказовъ Н. МОРСКАГО (Лебедева).

Съ 118 рисунками и виньетками Н. Н. Каразина.

Заглавіе рассказовъ:

1) Дяденька.	3) Ночь.	5) Грѣхъ ли это?
2) Уличная пѣвица.	4) Обезьянка.	6) Кувшинчикъ.

Это роскошное изданіе, украшенное 118 рисунками и виньетками, рисованными извѣстнымъ художникомъ Н. Н. Каразиномъ, составляетъ прекрасный подарокъ къ Рождеству. Всѣ эти рассказы представляютъ намъ прелестные дѣтскіе типы, но написаны не для дѣтей. Это настоящія житейскія драмы, гдѣ дѣйствующими лицами являются дѣти. Однако по содержанію эти рассказы такіе, что книга представляетъ прекрасное чтеніе и юношамъ, и дѣвицамъ. Цѣна 2 р., съ перес. 2 руб. 50 к.—Въ каленк. перепл., съ золот. тисненіемъ 3 р., съ перес. 3 р. 50 к.

КРЫШКИ для переплата “НИВЫ” изъ лучшаго англійск. каленк. 1882 г. съ зол. тисн. по вышеозначеніи образцу 1 р., съ пер. 1 р. 50 к. Каждый простой переплетчикъ легко можетъ переплести “НИВУ” въ такую каленковую крышку. Так же имются крышки для “Нивы” прежнихъ лѣтъ, т. е. отъ 1870—1881 г. по той же цѣнѣ.

ДОМЪ № 2468

продается за 85,000, близъ Гороховой ул., съ доплатою 35,000. Доходу 8,700 р. Узнать: Моск. ч., Казачій пер., № 7, кв. № 20.

ДРУГЪ ДѢТЕЙ.

Музыкальная и хоровая хрестоматія для 3-хъ и 4-хъ женскихъ голосовъ, изъ извѣстныхъ оперъ. Для женскихъ учебныхъ заведеній собралъ и переложилъ

Ф. БОГУСЛАВЪ.

Цѣна партитурѣ 3 р. Голосамъ 2 р. 50 коп.

Москва, у П. Юргенсона, 10, Неглинный пр., уголъ Кузнецкаго моста. П. № 2461 1—1

КНИГИ для скораго и легкаго обучения грамотѣ взрослыхъ: 1) Звѣздочка. Азбука. 80 стр. Изд. 2-е, съ 54 рисунк., 37 строк. прописей, 317 цифр. зад. Одобр. и рекоменд. Глав. Ком. по устр. и образованію войскъ. Ц. 20 к. съ перес. 2) Книга для чтенія. 176 стр. Изд. 2-е, съ рисунк. Ц. 50 к. съ пер. 3) Прописи и школа рисования. Изд. 9-ое. 24 стр. Ц. 15 к. 4) Азбука рукописи и скопии. Сборн. для пріученія къ чтенію рукописнаго. Ц. 15 к. 5) Два разсказа. Ц. 15 к. 6) Указатель приемовъ обучения по азб. “Звѣздочка”, съ 74 разрѣз. букв. Ц. 15 к. 6) 180 большихъ буквъ на листахъ. Ц. 20 к. Требовать отъ автора Н. П. Столинскаго. СПБ. Кабинетская ул., д. № 5, кварт. № 19. № 2465 1—1

РѢДКІЙ СЛУЧАЙ ПОКУПКИ!

Великолѣпный кварталь домовъ, состоящій изъ 3 пристающихъ къ себѣ и въ хорошемъ состояніи находящихъ домовъ, съ прекрасными и богатыми каменнымъ фронтовыми фасадами, расположенные въ прекрасной и здоровой части

ДРЕЗДENA,

съ живописнымъ видомъ на Эльбу, продаётся по очень выгоднымъ условіямъ уплаты. Перемѣна не можетъ иметь места. Почт. рефлектанты благоволять обращаться за подробностями или за получениемъ фотографіи къ г.-ну I. Зону, владѣльцу фабрики въ г. Лодзи или къ г. Францу Листу въ Дрезденѣ.

№ 2455 3—2

РУССКОЕ ШАМПАНСКОЕ

въ МОСКВѢ,

удостоенное МНОГИХЪ МЕДАЛЕЙ, въ томъ числѣ двумя медалями на Филадельфійской и почетнымъ отзывомъ на Парижской всемирныхъ выставкахъ и на послѣдней Всероссийской выставкѣ въ Москвѣ золотой медалью,

неуступающее хорошимъ французскимъ маркамъ.

по 36 руб. за ящики въ 30 бут.

(прямо съ фабрики).

имѣется въ ПРОДАЖѢ въ обѣихъ столицахъ, въ большей части другихъ городовъ Россіи, Сибири, Закавказья, Царства Польскаго и нашихъ новыхъ владѣніяхъ Азіи.

№ 2435 10—3

ВЫШЛА ФЕВРАЛЬСКАЯ КНИЖКА СОБРАНИЯ РОМАНОВЪ.“

Содержаніе: Филиппа, Флоренціи Марьетъ. Исторія безъ названія. Ея ли дитя. Исторія съ привидѣніями. Всѣ статьи закончены. Въ январской книжкѣ помѣщено: Доказательство нѣть и Школа Робинзоновъ, Жюля Верна.

Цѣна за годовое изданіе, состоящее изъ двѣнадцати книгъ большаго формата, выходящихъ всегда въ началѣ мѣсяца, десять рублей пятьдесятъ копѣекъ, для городскихъ одиннадцать, для иногородныхъ двѣнадцать рублей. Тринадцатая книга премія прилагается бесплатно къ декабрской книжкѣ для подписчиковъ, уплатившихъ сполна за весь годъ.

Подписка принимается исключительно на имя Елизаветы Николаевны Ахматовой, въ домѣ Жербина, на Михайловской площади, въ С.-Петербурге. Редакція высылаетъ бесплатно каталогъ съ подробнымъ обозначеніемъ всѣхъ статей, помѣщенныхъ въ прошлыхъ годахъ “Собрания Романовъ”, продающихся по уменьшенней цѣнѣ.

№ 2471

ПРОТИВЪ СѢДИНЫ: 1) ПОМАДА, возвращающая сѣдымъ волосамъ прежний ихъ цветъ, не линяетъ, фланконъ 3 р., пересыпка

1 руб.; для удобства: жидкій и густая помада, по полфланкону цѣна 3½ руб., пересыпка 1½ руб.; 2) КРАСКИ моментально окрашиваютъ волоса, не линяютъ, въ черный цв. цѣна 3 руб., перес. по рублю. Гороховая улица, д. 57. Магазинъ-парикмахерская Ивановой.

№ 2464

Издание А. Ф. Маркса въ С.-Петербургѣ.

ПОВѢСТИ И РАЗСКАЗЫ Вс. Крестовскаго (автора “Петербургскихъ

трущобъ”), 3-е изданіе. Ц. 1 р. 25 к., съ перес. 1 р. 50 к., для

подписч. “Нивы” 1883 г. 75 к., съ перес. 1 р.

Издание А. Ф. Маркса въ СПБургѣ.

Тип. А. Ф. Маркса, Прачешн. пер., № 5.